

Наталиса Парий

Сказки Темного Города
Паутина 2

МЕРТВЫЙ ВОЛК

18+

Наталиса Ларий
Сказки темного города.
Паутина 2. Мертвый волк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69864133

SelfPub; 2023

Аннотация

Война и мир, любовь и вражда... в какой момент жизни тонкая грань между ними начинает вопреки всем законам логики и смысла трескаться, рассыпаться и рушиться, давая волю чему-то большему...прекрасному...необъяснимому, убирая в тень все, что было понятно и предсказуемо? Что заставляет мир становиться другим, стирает все мыслимые и немыслимые границы истины и лжи, впуская в вены яд, который ставит на колени перед железным пониманием того, что отныне неважно, кто друг, кто враг, лишь бы пути судеб сплелись воедино? Что будет с двумя судьбами, идущими по разные стороны дороги израненной истории, которая заставляет их балансировать между ненавистью и желанием? Любовь, проклятая и необъяснимая, сожжет или озарит она своим теплом сердца тех, кто вопреки всем требованиям и ожиданиям жестокого мира ставит на колени злую сказку, имя которой жизнь? Дизайн обложки: Эмилия Волхова

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	57
Глава 4	84
Глава 5	124
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Наталиса Ларий

Сказки темного города.

Паутина 2. Мертвый волк

Глава 1

– Сначала – интерес. Потом – желание, страсть. Затем – утоление жажды... и твоя любовь, которую он будет пить пока ты ему не надоешь. Да, девочка моя, именно твоя любовь, поскольку светлая ведьма всегда проникается этим ядом, источником которому есть мужчина. Ты будешь давать, а он брать. Жестоко, безжалостно наслаждаясь твоей слабостью перед ним. Никогда не влюбляйся! Никогда не люби! Никогда не позволяй мужчине стать твоим миром, ибо едва только сделаешь это, он разрушит все, что тебе дорого, он забрет все, чем ты живешь, подавит, подчинит, сделает так, что ты без него даже дышать не сможешь. Никогда не люби, Марисанта. Никогда. Мужчина – это погибель.

Нахмутив брови, я посмотрела поверх карт на Тириз, свою красавицу-тетку, которая с задумчивым видом потягивала из высокого серебряного бокала вино.

– Странно слышать это из твоих уст, – наконец произнесла я. – Вокруг тебя очень и очень много восхищающихся то-

бой мужчин. Если все так, как ты говоришь, отчего тогда не проводишь вечера одна, а все время блистаешь в компании все новых и новых ухажеров?

Тириз словно очнулась от непонятного транса и проговорила, пристально посмотрев на меня:

– Взрослая стала. Уже не задаешь мне детских вопросов. Ладно, не бери в голову. Это все вино, – она нервно отставила бокал в сторону и бросила на стол карту. – Что на этот раз придумала, чтобы попасть в мой дом – колыбель разврата? – посмотрела на меня с лукавым прищуром своих огромных зеленых глаз в обрамлении длиннющих ресниц.

– Сказала, что пойду в ювелирную лавку с подругой в поисках особенных украшений для ночи невест, – я безразлично приподняла бровь и сделала небрежный ход в ответ.

Тириз скривила губы в улыбке и проговорила с оттенком презрения в голосе:

– Ночь невест. Можно подумать, тебе дадут сделать там выбор. Сколько еще будет знать отдавать дань древним пережиткам?

– Это ведь не дань, – пожалала я плечами. – Так, развлечение, и довольно-таки интересное. Хотя бы этой ночью можно побыть не дочерью графа, а простой крестьянкой, веселясь и танцуя вокруг костра со всеми. А суженого да, там мне не выбрать. Все будет так, как скажут мама с папой, – нахмурила брови. – Все мне диктуют. Но хотя бы на городские праздники выходить не запрещают. Уже радость.

– В такое время не слишком хорошая идея устраивать ночные увеселения такого рода, – назидательным тоном проговорила Тириз.

– А, как по мне, то в самый раз, – надула я губы. – Лугару может и надеяться на то, что мы будем сидеть, словно запуганные зверьки по своим норам. Запуганными ведь легче управлять. Так что лучше не терять вкуса к жизни, тетя Тириз. Ты ведь не теряешь его, танцуя и исполняя песни в ночном театре? – усмехнулась, видя то, как она окинула меня неодобрительным взглядом. – И не смотри на меня так. Ты хоть и не вдаешься в подробности своего образа жизни, но в доме всегда есть те, кто знают все и про всех.

– Слуги, – хмыкнула Тириз. – И что они говорят?

Я настороженно посмотрела на нее и произнесла, тщательно подбирая слова, ведь рассказывать услышанное теми выражениями, которые произносили слуги, было крайне неприлично:

– Они говорят, что ты – червивое яблоко на древе линии крови. Что ты падшая женщина, которая в свое время попала все законы нашего ковена и семьи, выбрав себе в пару мужчину недостойного, а точнее лугару. И поэтому была изгнана из семьи. А потом, когда ваши отношения закончились и он тебя бросил, ты стала куртизанкой, продающей свое внимание за баснословные деньги, ведь кто из власть имущих мужчин нашего ковена откажется увидеть в своей постели красавицу-графиню, о искусстве угадывать самые

потаенные мужские желания которой легенды слагают. Говорят, что ты отнюдь не целитель, а ведьма-искуситель, – тихо закончила я и опустила глаза.

Тириз скривила свои красивые губы в насмешливой улыбке и, не удержавшись, рассмеялась.

– Это правда? – настороженно спросила я, поскольку не верила ни одному слову слуг, но ее реакция выбила меня из колеи.

– Львиная доля, – наконец успокоившись, ответила она. – Только вот ведьма-искуситель- это перебор. Я правда целитель и никакого отношения к тем, кем движет магия жадности и желания приносить удовольствие не имею. Червивое яблоко, – покачала головой. – Ну пусть и червивое. Червивое, зато свободное. Сама решила, кто его сорвет, кто вкусит и какому червю мое яблоко точить. Живу своей жизнью и получаю от нее удовольствие. Не то, что твоя мать, – она с грустью посмотрела на меня. – Живет подле мужчины, который..., – вдруг опомнилась и прикусила губу.

Я же протяжно выдохнула и проговорила:

– Да знаю я. У отца любовница есть. Все в городе это знают. И мама тоже. Знает, но делает вид, что все хорошо. Улыбается. Во время ужина всегда такая счастливая на него смотрит. Когда он снисходит до присутствия на нем, – зло сдвинула брови. – А во всем виновата я, – сказала и замолчала, быстро захлопав ресницами, сдерживая слезы. – Родился бы мальчик, отец себя так не вел бы. А так, мама после

тяжелых родов больше не может иметь детей, вот он и потерял интерес к ней, как к женщине. Да еще и наследник теперь у него в платье. Велика радость. Да хоть бы хоть чем-то блистала, а то даже ведьма-не ведьма. Бледное подобие какое-то. Вот он и злится.

– Ну что ты такое говоришь! – воскликнула Тириз. – Отец любит тебя. А то, что у них с твоей матерью такие отношения, так в том не ты виновата, а мужская природа. У тебя и дед, отец твоего отца, был повеса тоже еще тот. Когда Эрена давала согласие твоему отцу, я уже тогда сказала ей, что счастья ей не видать с тем, на счету у кого столько любовных побед. Но она не слушала. Уж больно графиней фон Бодегар хотела стать. Стала, и что? Сидит себе дни напролет в своих роскошных покоях за вышивкой да слезы льет. А улыбается только тогда, когда твой отец соизволит на ужин вернуться в дом ну или посетить ее покои. Дрянь, а не жизнь. Поэтому, уж лучше быть червивым яблоком, но жить так, как хочешь.

– А мне можно так, как и ты? – я зыркнула на нее. – Ну, это... чтобы самой выбор сделать.

Тириз взяла с тарелочки шоколадную конфету и, откусив от нее кусочек, проговорила, нахмутив свои идеальные брови цвета воронова крыла:

– Нельзя. Второго червивого яблока в семье не должно быть.

– Я серьезно.

– Я тоже, – отрезала она, бросив надкушенную конфету

на серебряную тарелку.

– Но ты же сама сказала, что то, как мама моя живет – это ад.

– Ад, – кивнула Тириз. – Но это не значит, что тебя ждет такой же ад. Может тебя выдадут замуж за достойного мужчину, с которым ты будешь счастлива.

– Да, выдадут. Вот именно, что выдадут, – огрызнулась я. – Никто и спрашивать не будет, чего хочу я. Подругу мою, Мари, дочь лорда Синтарма, отдадут по окончании сезона за толстого борова, хранителя печати короля. Вот счастье. Она уже ночи напролет слезы льет. Сдается мне, что и меня такая же судьба ждет. Мне через два месяца восемнадцать исполнится и, едва только сила рода уравнивается, отец начнет подыскивать мне партию. Если уже не подыскал. Может ты поговоришь с отцом? Навеешь чего-нибудь ему в голову. Ну совсем чуть-чуть. – зыркнула на нее из-подо лба. – Я знаю, что вы общаетесь. Он ведь часто приходит в заведение, где ты блистаешь.

– С чего взяла? – нахмурила брови Тириз.

– Видела однажды, когда по городу верхом каталась. Его экипаж стоял подле театра. Потом проследила куда он ездит по вечерам, ровно в шесть. Мама тогда в комнате у себя запирается, а он, как оказалось, едет в это злчное место, откуда по ночам слышен хохот, музыка и окна горят кроваво-красным светом.

– Твоя компаньонка что, не следит за тобой совершен-

но? – Тириз усмехнулась и пренебрежительно отшвырнула в сторону карты.

– Следит, – пожалала я плечами. – Но я обычно говорю, что спать иду, а сама переодеваюсь в костюм мальчика и через окно покидаю комнату.

Тириз строго так посмотрела на меня, затем проговорила недовольным тоном:

– Такое даже я не одобряю, Марисанта.

– Знаю. Но я осторожна всегда. Правда. Да и делала так пару раз, не более. Не говори отцу только, пожалуйста. А то запрет в особняке до конца жизни, – добавила тихо, уже жалея о том, что сказала об этом ей, ведь она хоть и была свободных нравов, но за мою репутацию явно боялась.

– Хорошо, не скажу. Но только ты должна обещать мне, что с наступлением темноты из дома без присмотра ни ногой. Мало ли что может случиться. Время беспокойное. Зачем дразнить судьбу? Да и за отцом не следи. Он мужчина, Марисанта. Где он пропадает ночами, тебе знать того не надобно.

– Да знаю, – я виновато опустила голову. – Просто мама плачет всегда по вечерам. Поэтому я и хотела узнать, куда он ходит. А потом, как поняла, то... – шмыгнула носом, теребя край пояса. – Она красивее мамы? – посмотрела из-под лба на Тириз.

– Кто? – она удивленно изогнула брови.

– Ну она, женщина, к которой ходит мой отец. Я видела,

как он подавал руку какой-то даме невысокого роста, когда она выходила из черной кареты. Не разглядела ее только толком. На ее голову был наброшен капюшон с меховой оторочкой.

Тетка откинулась на спинку стула и, тарабаня по столу пальцами, проговорила после непродолжительного молчания:

– Можно я не буду отвечать на этот вопрос?

– Почему? – враз ощетинилась я.

– Потому, что ты его дочь. А говорить ребенку о любовницах его отца – это кощунство.

– Но...

– Нет, – она резко оборвала меня. – Такой жизнью живет львиная доля мужчин, Марисанта. И от моего ответа тебе легче не станет. Красивей она твоей матери или нет – это роли не играет, если ты хочешь понять, почему отец твой предпочел кого-то ей. Это его выбор, его грех и не стоит тебе копаться в том, чего тебе лучше не знать, – она замолчала и недовольно свела брови.

– И это ведь не театр. То место, где ты выступаешь. Так ведь? Это скорее бордель? – подумав, я все-таки задала вопрос. – И бордель твой. Поэтому он называется «Renascentia». Возрождение. Как дань твоей магии исцеления. И поэтому никто из семьи не общается с тобой. Потому, что ты отнюдь не актриса. Так? Слуги не зря судачат. Скажи мне правду. Я уже не маленькая.

Тириз, помедлив, встала из-за стола и подошла к окну. Обняв себя руками, она устремила взгляд на улицу и наконец, после продолжительного молчания, проговорила:

– Много лет назад я была очень похожа на тебя. Не слушала родителей, дерзила, перечила, поступала так, как считала нужным. В отличие от твоей матери, которая всегда была образцом кротости и послушания. Глупая кроткая овечка. Она как на закланье шла под венец с мужчиной, для которого была лишь выгодной партией и не более того. Прости, Марисанта, но твой отец относится к тем мужчинам, которые любят лишь себя, – она бросила на меня беглый, грустный взгляд. – Не в силах смотреть на все это, в день их свадьбы я сбежала из дома и в итоге оказалась на землях лугару, где познакомилась с мужчиной. Взрослый, опытный, властный. Он казался мне богом. Первая любовь, это так завораживает и ослепляет. Мне так хотелось быть свободной, любимой и желанной, что я попрала все законы семьи и ковена. Порочная, но такая сладкая связь с мужчиной-лугару. Он давал мне все, о чем только могла мечтать молоденькая, не выдавшая жизни девочка, которую с малых лет держали в ежовых рукавицах и для которой мир вне границ ее дома был сплошной придуманной сказкой. Сказкой, – она горько усмехнулась. – Страшной сказкой. Этот волк ввел меня в мир развлечений, который были под запретом для чопорной жены, и который казался мне таким сверкающим. Деньги, наряды, вино, утехы, балы, обожание – все это было у меня благода-

ря ему. Все было настолько слащаво и пропитано каким-то адским наваждением, что в один из дней я поняла, что это абсолютно не то, чего я хочу. Я хотела не этого закулисы жизни желанного мужчины. Хотела блистать с ним рядом не на закрытых для порядочного общества балах, а на тех, куда он водил свою жену. Но мне, любовнице-ведьме, двери в эту часть его жизни были заперты. Не знаю, чего я ждала от него. Мне ведь сразу было сказано, где мое место. В общем, когда я поставила условие, он даже не раздумывал ни минуты. Просто подошел к комоду, достал оттуда увесистый такой мешок с золотыми монетами и спокойно положил его передо мной на стол, поблагодарив за услуги. В общем, вернулась я сюда с жутким желанием покончить с собой, но при деньгах. Мать с отцом даже на порог дома меня не пустили, сестра даже выйти не пожелала ко мне. Помню, села я на лавку, а в руках этот мешок с золотыми, да как начала реветь. Сколько я так просидела, лишь небесам ведомо. Дождь потом полил. А я не уходила. Мимо проезжала повозка и вдруг остановилась. Из нее выглянула красивая женщина с длинными седыми волосами, перекинутыми через плечо. Она вышла на улицу и протянула мне руку, сказав, что все будет хорошо. И с того самого момента стало именно хорошо. Она научила меня жить для себя самой, а не для мужчин. Она по крупицам собрала из меня ту Тиризу, которую теперь все знают. Когда она умерла, заведение, которым она владела, по завещанию перешло ко мне. С той самой минуты оно и стало на-

зываться «Renascentia». Возрождение. Бордель? Я бы так не сказала. Это развлекательное заведение, Марисанта. Это не какое-то злачное место, где только придаются греху и не более того. Оно как было почитаемо даже самим наместником еще при первой его хозяйке, так и осталось таким же.

– Но жен туда не водят, – сурово проговорила я.

– Не водят, – повела бровью Тириз.

– Ты так говоришь, словно все еще любишь его, этого мужчину. Ты простила его? – помедлив, спросила я.

– Сложно сказать, – пожала плечами Тириз. – Может и простила, а может и нет. Столько воды утекло с того времени. Люблю ли? – усмехнулась, бросив на меня беглый взгляд. – Как оказалось не так сильно, как свою семью. Тебя и твою маму.

– Нас? – удивленно спросила я. – А мы при чем здесь?

– Ни при чем, – она подошла ко мне и погладила по плечу. – Не бери в голову.

– Вечно ты не договариваешь чего-то, – я медленно выдохнула и встала из-за стола. – Мне, наверное, нужно идти. А то моя компаньонка с ума сойдет точно, если я приеду на полчаса позже положенного.

– Не осуждай меня. Знаю, что такой родственницей, как я, уж точно не гордятся. Но это мой грешный путь. Другого у меня нет, – Тириз подошла ко мне и осторожно приобняла за плечи.

– Я и не осуждаю, – пожала плечами. – Ты мне такую

печальную историю про себя рассказала, что мне впору молиться за тебя. Какое уж тут осуждение. Не отвернись от тебя наша семья в свое время, может и не было бы этого твоего...возрождения.

–Ты такая уже взрослая. Спасибо тебе за понимание и за то, что ты вопреки воле матери общаешься со мной. Мне это очень важно, – она легонько поцеловала меня в лоб. – Ты ведь так похожа на меня, моя девочка. Жаль, что судьба сложилась так, как сложилась. Очень жаль, – она задумчиво провела рукой по моим волосам и добавила, подойдя к стоящему в углу комнаты комоду, – раз уж ты сегодня будешь блистать на том городском развлечении, позволь мне сделать тебе подарок, – открыв шкатулку, она достала из нее мерцающие изумрудным блеском бусы и протянула их мне.

Я изумленно посмотрела на крупные изумруды и проговорила:

– Они? Откуда они у тебя?

– Ну, в мое заведение вхожи те, кто может позволить себе иметь эксклюзив раньше, чем он будет представлен миру, – Тириз усмехнулась и повела бровью. – Они красиво оттенят твои волшебные зеленые кошачьи глазки, – развернула меня к большому зеркалу и приложила украшение к моей шее. – Видишь? Мне кажется, что больше, чем тебе, они вряд ли кому подойдут. Марисанта, ты меня слышишь?

– Да, конечно, – словно очнувшись от оцепенения, растерянно улыбнулась я, переводя взгляд с отражения изумрудов

в зеркале на свою красавицу-тетку, которая была словно моя сестра, несмотря на разницу в возрасте. – Но ты поговоришь с отцом? – вновь нахмурила лоб, взяв в руки бусы и повернувшись к ней. – И может...не только поговоришь? – умоляюще посмотрела на Тириз. – Ты ведь можешь внушать, я же знаю. Если он не воспримет твои слова серьезно...может внушишь ему?

– Внушить? Нет, Марисанта, вмешательство своим даром в такие дела может иметь печальные последствия для твоего будущего. А вот поговорить, поговорю, – улыбнулась она и подтолкнула меня к двери. – Обещаю, что уговорю его подобрать тебе в мужа самого богатого и красивого мужчину нашего ковена.

– И порядочного. Такого, который не ходит в твое заведение, – я приподняла брови, говоря это.

– Такой и будет, – она засмеялась и положила мне на плечи ладони. – Ты только что словно снова провалилась куда-то мысленно. Опять вернулось то состояние?

– Да, – нахмурила я брови, посмотрев на зеркало. – Когда вижу эти камни, словно проваливаюсь куда-то. Словно они – это я. Они словно говорят со мной, нашептывают что-то, будто сливаются со мной в одно единое. Жутко прям.

Тириз провела рукой по моим волосам и проговорила успокаивающим тоном:

– Камни и правда говорят. Так рассказывают те, кто владеет способностями слушать их.

– Но у меня нет таких сил, – пожала я плечами и прижала бусы к груди, почувствовав легкое тепло. – Они словно под кожу проникают мне. Почему так? Ладно, глупости все это, – раздраженно тряхнула головой. – Вечно что-то мне кажется. Прости, но мне сейчас нужно бежать. А то мама точно заподозрит, что я была у тебя.

Тириз лишь усмехнулась и помахала мне рукой, подмигнув при этом. Я же, накинув на плечи плащ, быстро покинула ее дом.

Выйдя на улицу, окинула взглядом площадь в поисках экипажа подруги Мари, которая должна была заехать за мной и отвезти домой.

– Он за углом, – раздалось в этот момент позади меня, и я даже подпрыгнула от неожиданности.

– Напугала, – воскликнула я, повернувшись к подруге, которая с недовольством ухватила меня под руку и потащила за угол дома, где жила Тириз.

– Ты сказала, что всего на час к ней пойдешь! Я же жду тебя уже два! – пробурчала подруга, усаживаясь на сиденье экипажа и отдавая указание извозчику везти нас к моему дому. – Я теперь не успею и украшения выбрать на праздник!

– Заболталась, – я виновато приподняла брови и сложила с мольбой руки. – Прости меня! Я тебе очень благодарна за то, что ты выручила меня.

Мари осуждающе зыркнула на меня и проговорила в ответ:

– Ох, перепадет и мне, и тебе, когда мать твоя узнает, что я покрываю эти твои похождения к твоей распутной тетке.

Улыбнувшись, я хитро посмотрела на Мари и прошептала заговорщически:

– Не дуйся. Мама не узнает. А в обмен на твою помощь, и чтобы ты не сердилась, я хочу дать тебе вот что надеть на праздник, – вытащив из сумочки бусы, я протянула их Мари. – Держи, наденешь их. Они как раз подойдут к твоему платью.

Мари восхищенно посмотрела на бусы и, взяв их в руки, воскликнула:

– Какая красота! Это Тириз тебе их дала?

– Да, – ответила я.

– Невероятное ожерелье! Твоя тетка знает толк в украшениях, – она осторожно провела пальцами по переливающимся бусинам и нахмурила брови. – Нет, я не могу их надеть. Она же тебе их дала.

– Да ладно, у меня есть что надеть к новому платью. Мама подарила красивый кулон. Так что бери. Только смотри, не потеряй, – строго погрозила ей пальцем. – Такого украшения не будет ни у кого на празднике точно, – загадочно подмигнула, наблюдая за невероятным переливом камней.

– Спасибо, – Мари счастливо взвизгнула и приложила бусы к груди. – Теперь мой образ средневековой леди будет закончен. Тебе же тоже сшили платье в таком стиле? – спросила беспокойно она. – Не буду же я белой вороной, нарядив-

шись в старинное одеяние?

– Тоже-тоже, – успокоила ее я. – Праздник старинный. Не думаю, что мы будем с тобой резко отличаться от остальных. Мама сказала, что многие шьют себе средневековые костюмы на ночь невест.

– Спасибо тебе, – Мари одарила меня радостной улыбкой и запрятала украшение в свою сумочку.

Глава 2

– Что-то мне не нравится, – пробурчала я, когда длинное платье насыщенно-красного цвета окутало мою тоненькую фигурку. – Рукава просто ужас, – приподняла руку, глядя в зеркало. – Как они такое носили?

– Мода, моя девочка, – улыбнулась мама, повязывая во-круг моей талии тоненький, расшитый бусинами поясок. – Думаю, что средневековые леди были бы в не меньшем ужасе от наших корсетов и шляпок.

– И то верно, – улыбнулась я, сделав глубокий вдох и с наслаждением ощутив свободу движений в этом красивом платье старинного покроя.

– Сопровождать вас с мисс Сари будут двое из охраны отца.

– Мам! – я с негодованием повернулась к ней.

– И не перечь! – отрезала мама, вздернув руку. – Или с сопровождающими, или дома взаперти. Выбирай.

– Вот так всегда, – я недовольно тряхнула тяжелыми локонами волос, ниспадающих мне ниже пояса. – Все будут свободны, а я как на привязи! Что это за праздник, если за тобой по пятам будут ходить двое громил, одним только взглядом отгоняющие всех желающих потанцевать со мной. Да еще и мисс Сари будет весь вечер высматривать в толстенные линзы своих очков кто же ко мне осмелился подойти.

– Все...все не наследницы графа фон Бодегара, – мама строго посмотрела на меня.

– И что с того, что наследница? – зло буркнула я. – Подумаешь, ценность какая. Мари вон тоже дочь одного из богатейших лордов нашего ковена, так ее так не пасут отчего-то.

– Мари не наследница, – спокойно ответила мама и бережно надела мне на шею кулон с рубином. – А ты у нас с отцом одна. Не приведи господь что случится, кто будет продолжать род фон Бодегар?

– Мам, ну мам, – я надула губы и волчонком посмотрела на нее. – Ну можно они хотя бы будут стоять подальше в стороне? Ну чтоб не ходили в метре от меня, как на прошлом празднике? Все смеялись тогда с меня. «Смотри, не ходи ни с кем танцевать. Иначе твоего партнера псы покусуют», – прокривлялась я, копируя злобную реплику, брошенную одной из девушек.

– Тебе просто завидуют, – улыбнулась мама, поправив локон моих волос. – Я вообще уже давно против этих общих городских праздников, но отец отчего-то не спешит запрещать тебе выходить на эти старинные гуляния.

– И правильно делает. Мало я у вас здесь взаперти сижу? Как в заточении, ей богу. Если бы не прогулки с Мари, так вообще зачахла бы давно.

– Мы печемся о твоей безопасности, девочка моя, – назидательным тоном проговорила мама. – Столица хорошо охраняется, но мало ли что, а родные стены всегда надежно

защищены. Время какое? Мир с лугару по швам трещит и участвовавшие столкновения на границе не добавляют мыслей о том, что все вокруг могут быть спокойны о своих жизнях и жизнях своих детей.

– Ну все равно, мам, – я как лиса прижалась к ее щеке. – Ну хотя бы в стороне пусть стоят. Ничего со мной не случится. Обещаю, что буду у них на виду. Клянусь.

Мама протяжно выдохнула и, подумав, проговорила:

– Хорошо. Только из их поля зрения ни ногой.

Я взвизгнула и чмокнула ее в щеку. Мама же улыбнулась и проговорила задумчиво:

– Ты так похожа..., – затем сразу словно опомнилась и замолчала.

– На кого? – осторожно спросила я. – На тетю Тириз?

Мама нахмурила брови и, не ответив на мой вопрос, начала складывать украшения в шкатулку. Я подошла к ней и, присев на краешек стола, проговорила, положив ей на плечо руку:

– Ты скучаешь по ней? Я знаю, что вы в детстве были очень близки, несмотря на то, что она намного младше тебя. Бабушка так говорила.

Руки мамы, держащие жемчужные бусы, на мгновение задрожали, и она выронила их, отчего те с противным скрежетом сползли со стола на пол. Подхватив их, мама проговорила глухим голосом:

– Не скучаю. Мало того, даже знать ее не желаю.

– Почему? – тихо спросила я. – Неужели ее вина настолько велика, что можно вот так отвернуться от единственной сестры? Ну сбежала она в свое время и связалась с лугару, но она ведь потом вернулась. Несчастливая, убитая горем, вернулась, а вы ее оттолкнули. Почему не поддержали?

После моих слов мама резко вздернула голову и посмотрела на меня потемневшим взглядом:

– Откуда знаешь? Так и продолжаешь видеться с ней несмотря на запрет?

Я с досадой прикусила губу и опустила голову. Мама же больно ухватила меня за подбородок, заставив посмотреть на нее:

– Марисанта, не смей общаться с Тириз! Это мое тебе последнее предупреждение.

– Почему? – я непонимающе посмотрела на нее. – Потому, что она ведет такой образ жизни и ты боишься, что ее репутация подпортит и мою? Так за то, что я хочу видеться с теткой, не осудит меня даже король!

Брови мамы сошлись на переносице, и она сказала строго:

– Нет, не поэтому, а потому, что Тириз настолько же гнила внутри, насколько блестяща снаружи. И дело не в том, что она управляет тем злачным заведением и ведет такой образ жизни.

– А в чем?

Мама недовольно вскинула подбородок и убрала руку от моего лица.

– По ее вине я уже один раз чуть не потеряла тебя! – зло бросила она.

– Но то был несчастный случай! Тириз не меньше тебя испугалась!

– Да, так испугалась, что удрала обратно в волчий клан, даже не дождавшись, пока ты поправишься! Я держала тебя, почти бездыханную, столько дней у себя на руках, умирая вместе с тобой, а эта вертихвостка соизволила приехать только тогда, когда ты уже поправляться стала! Все, более не желаю слышать даже имя ее в этом доме, в особенности от тебя. Узнаю, что видишься с ней, будешь у меня до самой своей свадьбы дома сидеть! Поняла? – прикрикнула она и направилась к двери, распахнув которую, проговорила: – А теперь иди и от охраны ни ногой! И мисс Сари чтобы слушалась. Я приказала ей, чтобы вы к полуночи уже были дома.

– Как скажете, маман, – огрызнулась я и просто молнией вылетела из комнаты, на ходу едва не сбив свою компаньонку.

Быстро спустившись в холл, я поправила подол платья и, не глядя на мисс Сари, вышла на улицу, где нас ждал украшенный цветами экипаж, а подле него двое всадников из охраны моего отца.

– Слишком дерзите своей матушке, мисс Марисанта, – назидательным тоном проговорила мисс Сари, усаживаясь напротив меня в экипаже. – Сколько можно повторять вам...

– Помню-помню, – оборвала я ее, слащаво улыбнув-

шись. – Перечить и дерзить родителям – прямая дорога в ад.
– Вот именно, – чопорно проговорила мисс Сари и с видом королевы отвернулась к окну.

«Старая гримза», – мысленно простонала я, бросив недвольный взгляд на свою компаньонку, которой хоть и было лет тридцать пять, не более, но вела она себя так, словно ей уже давно перевалило за семьдесят. Скрестив руки на груди, я тоже устремила взгляд в окно, за которым мелькали фонари ночного города, полностью погрузившись в мысли о маме и тете Тириз. Гнилая внутри настолько же, насколько и блестящая снаружи. Эти слова привели меня не просто в шок, а в ужас, ведь тетя Тириз с того самого дня, как я увидела ее еще когда мне было лет шесть, наверное, ассоциировалась у меня с каким-то неземным эталоном красоты, не менее. Невысокого роста, стройная, с просто идеальной фигуркой, она тогда выгодно выделялась на фоне других дам, стоящих подле озера в парке наместника. Она смеялась, а я во все глаза смотрела на нее, прижимая к себе длинноухого зайца и, раскрыв рот, наблюдала за тем, как она изящно склоняет голову к плечу своего спутника, как грациозно откидывает с плеча свои великолепные волосы темно-каштанового цвета, как смеется, затем игриво прикусывая ярко-алую губку. Эталон красавицы-ведьмы, не иначе, именно такой предстала она передо мной тогда. А когда мама с натянутой улыбкой была вынуждена представить мне ее, ведь Тириз, едва завидев нас, быстро оставила своего кавалера и едва ли не подбе-

жала к нам, то я была вне себя от гордости, что сие чудо женской красоты и грации является моей тетей. Гнилая внутри? Никакая не гнилая. Разве можно так называть только потому, что некогда, когда я была еще совсем маленькой, случилось то происшествие, в котором я едва не погибла по вине Тириза. Но не погибла же! Передернув плечами, я отогнала от себя прочь дурные слова мамы. Тириз очень любила меня, а я ее, и неприязнь мамы к ней была для меня пуста и точка.

Спустя около час езды, экипаж нырнул под ветви необъятных деревьев окраины древнего леса, а где-то минут через десять остановился на обочине освещенной поляны, посреди которой росло огромное дерево, цветущее необычными поблескивающими в ночной темноте цветами. Дерево невест. Один раз в год оно зацветало. На удивление уже тогда, когда холода были не за горами. И именно в этот период сотни и сотни девушек столицы приходили к нему, дабы поклониться и сорвать цветок, которым потом положено было украсить прическу, как свидетельство чистоты и целомудрия, а также готовности с того самого времени вступить в брак.

Улыбнувшись, я просто молнией вылетела из экипажа и бросилась к стоящей неподалеку Мари, которая была одета в темно-изумрудного цвета платье с отделкой вышитой в старинном стиле тесьмой.

– Мисс Марисанта, – послышался в этот момент позади недовольный голос мисс Сари. – Вы не должны...

Резко повернувшись к ней, я улыбнулась ехидной улыб-

кой и проговорила тихо:

– Мисс Сари, вы знаете еще хоть какие-то слова, кроме этих ваших «должна, не должна»? Может вы хоть сегодня побудете красивой молодой женщиной, а не чопорной каргой, которая только и знает, что читает мне проповеди? Я бы на вашем месте тоже подошла к дереву да сорвала цветок, – кивнула на девушку, которая с радостной улыбкой стояла неподалеку от нас и пыталась закрепить бутон в волосах. – А то так и помрете старой, необъезженной кобылой, – прошептала, склонившись к ней, открывшей от возмущения и изумления рот. – А на вас вон как смотрит подчиненный отца и думаю, что он совсем не прочь снять с вас обет ходить в вечных девственницах, – кивнула на пристально смотрящего на мисс Сари мужчину, который и правда ох как давно пытался выказать ей внимание, но натыкался лишь на холодный отказ. – И я никуда не денусь, – рассмеялась и, подобрав подол платья, побежала к Мари, с удовольствием услышав позади изумленное аханье компаньонки.

– Ну, я же говорила, что бусы как раз для твоего платья, – я с улыбкой окинула взглядом подругу, которая и правда была чудо как хороша в этот вечер. – Ну что, пойдем к дереву, а потом танцевать?

– Да, украшение что надо. Только странное какое-то. От камней все время какое-то тепло ощущается. Даже неприятно как-то. Ну да ладно. Пойдем, – засмеялась Мари и, ухватив меня под руку, потащила к дереву.

Остановившись подле необъятного ствола могучего растения, мы с Мари переглянулись и, взявшись за ветку, склонили ее к себе, враз вдохнув невероятный аромат, исходящий от изумительной красоты цветов. Выбрав себе самый яркий бутон, я осторожно сорвала его и с улыбкой посмотрела на Мари, которая проделала то же самое. Вытащив из прически шпильку, я быстро пристроила цветок на голове и, покружившись вокруг себя, подмигнула Мари, но улыбка сразу же сползла с моего лица, едва только я увидела почерневший цветок в руках подруги, которая растерянно смотрела на него.

– Это плохая примета, – тихо прошептала она и перевела взгляд на меня.

Я всего мгновение взирала на погибшее растение, затем забрала его из рук Мари и швырнула к подножью.

– Глупости, – строго сказала я. – Просто такое бывает. Сорви еще, – кивнула на ветку.

Но Мари лишь покачала головой и даже не притронулась к цветам. Выдохнув, я сама сорвала цветок и украсила им прическу подруги.

– Вот видишь, он не завял, – склонив голову, посмотрела я на погрустневшую подругу.

– Второй раз не считается, – расстроено улыбнулась она. – Если первый раз цветок срываешь, а он сразу же погибает, это...

– Это значит, что тебе не стоит выходить замуж за того

жирного борова, которого выбрал тебе отец в мужья, – отрезала я с видом знатока.

– Дерево не это пророчит, – покачала головой Мари и вытащила из прически бутон, который бережно положила у подножья дерева и произнесла слова благодарности.

– Оно вообще ничего не пророчит, – отмахнулась я и потащила подругу в толпу танцующих. – А вот замуж тебе нужно выйти по любви, а не по приказу отца, – взяла ее за руки и закружила в танце, пытаясь и сама не думать о том, что и правда говорили о почерневших цветах дерева невест.

Спустя около часа мы с Мари наконец смогли отвлечься от грустных мыслей и уже всю смеялись, кружась в веселых танцах с другими присутствующими на празднике молодыми парнями и девушками. В какой-то момент, делая очередной оборот, я со всего размаху налетела на одну из молоденьких ведьм, которая словно и не танцевала вовсе, а просто стояла и наблюдала за весельем.

– Ну что ты стоишь! – воскликнула я, потирая ушибленный локоть. – Не танцуешь, так будь добра, отойди в сторону.

Девушка поправила рукав платья и проговорила строго:

– У нее цветок почернел, – кивнула на смеющуюся Мари, которую в этот момент кружил в танце кто-то из парней. – Ей нужно было бросить его в реку, чтобы вода унесла все плохое за собой. Вы разве не знаете этого?

Я нахмурилась и ответила:

– Первый раз слышу о таком.

Девушка хмыкнула, окинув меня взглядом, затем добавила, передернув плечами:

– Конечно не слышала. Ты ж светлая ведьма. Откуда тебе знать об обрядах подавления предначертанного.

После ее слов я окинула незнакомку взглядом с ног до головы и только в этот момент увидела и полыхнувшие огнем глаза, и темный амулет на шее. Отступив от нее на пару шагов, проговорила строго:

– Темным здесь не место.

– А я наполовину темная, – безразлично ответила девушка. – И невестами нарекают не только светлых. Так что вполне себе имею право веселиться, как и все остальные. Да и дерево меня благословило, – она тряхнула своим черными волосами, в которые был вплетен красиво переливающийся цветок. – Ну так что, скажешь ей о том, что нужно сделать? До завтра тянуть нельзя, потом уже не сработает, – она пренебрежительно махнула рукой на Мари.

Я, закусив губу, все-таки решила позвать подругу. Когда она подбежала к нам, вся раскрасневшаяся и улыбающаяся, я кивнула на девушку и проговорила нехотя, прекрасно зная, как Мари относится к темной магии:

– Она говорит, что черный цветок нужно бросить в реку, чтобы отвести плохое предначертанное.

Улыбка Мари враз сползла с ее лица. Нахмутив лоб, она окинула взглядом девушку и нехотя проговорила:

– Нам запрещено проводить темные обряды.

Девушка хмыкнула и пожала плечами.

– Мое дело сказать, как избежать можно. Ваше же – принимать помощь или нет. Мне-то что, мне дерево не предрекло темную долю, – сказала она и развернулась, чтобы уйти.

– Стой, – окликнула я ее и посмотрела на Мари. – Может правда сделаем? Это ведь всего лишь цветок, который нужно опустить в реку.

Мари, помедлив, протяжно выдохнула и проговорила, обращаясь к девушке:

– Это ведь не кровавая магия? Предки не будут злиться?

Девушка хмыкнула и ответила:

– Нет. Пускать кровь в этом обряде нет нужды.

– Но ближайшая река в километре отсюда, – осторожно сказала Мари.

– Полчаса ходьбы туда и обратно, – ответила девушка. – Не так и далеко. Мы вернемся быстрее, чем закончатся танцы, – сказав это, она подняла черный цветок с земли и протянула его Мари.

Та взяла осторожно его в руки и бросила на меня нерешительный взгляд. Я же в свою очередь посмотрела на свою компаньонку, которая на удивление последовала моему совету и всю смеялась, разговаривая с моим охранником, который был больше увлечен ею, чем наблюдением за мной. Окинув взглядом территорию и не увидев второго, который, скорее всего, отошел по нужде, я ухватила Мари и девушку под руки и быстро потащила их к кромке леса.

– Пока никто не видит нас, нужно быстро улизнуть, – проговорила я. – Иначе с меня и Мари три шкуры спустят за то, что мы разговаривали с представительницей темных.

Едва только наша троица скрылась в непроглядной мгле ночного леса, мы с Мари облегченно выдохнули.

– А как тебя зовут? – спросила я спустя минут двадцать быстрой ходьбы, то и дело повыше задирая подол платья, которое цеплялось за сухие ветки поваленных деревьев. – В городе не так много ваших представителей, да и те на службе у наместника в основном состоят.

– Вивиан, – ответила девушка. – Я племянница как раз одного из них. Приехала сюда погостить на пару дней, да на ваше чудо-дерево посмотреть. На землях нашего ковена такого дива нет.

– А ты из какого ковена? – спросила я, остановившись и прислушиваясь к звукам природы, пытаюсь понять, далеко ли еще до реки.

– Да из того, что на север от ваших земель, – отмахнулась Вивиан. – Пойдемте быстрее, уже недалеко, – она подтолкнула нас с Мари в сторону виднеющейся за деревьями освещенной луной поляне.

– На север? – переспросила Мари. – Ты уверена? Может на юг? Поскольку с северной стороны начинается территория, принадлежащая лугару.

– Да, на юг, – отмахнулась Вивиан, оглядевшись по сторонам. – Перепутала.

Едва только она это сказала, как я дернула Мари, заставив ее остановиться. Затем проговорила строго, обращаясь к девушке:

– Назови, к какому ковену ты принадлежишь?

Вивиан нехотя остановилась и повернулась к нам. Закатив глаза, она скривила губы и ответила:

– Вечно эти подозрительные светлые. Во всем видите подвох.

– Сказала же, назови ковен! – процедила я сквозь зубы.

Девушка выдохнула и протянула нехотя:

– Бальташ. Ковен темных целителей. Довольна?

Сжав крепко руку Мари, я прошептала зло:

– Бальташ не темные целители. Ты солгала нам! Чертова темная ведьма. Зачем ты заманила нас сюда?

Вивиан сощурила свои черные глаза и прошипела:

– Сейчас узнаете.

В эту самую секунду что-то огромное промелькнуло метрах в пятидесяти от нас. Затем еще и еще одно. В ужасе поняв, что мы попали в западню, я дернула Мари за руку и заржала:

– Бежим!

Но едва только мы метнулись назад, как нам наперерез вышла тройка высоких мужчин в кожаных одеяниях. Мы с Мари метнулись в другую сторону, но и там нас ждали. Отчаянно оглянувшись, мы поняли, что нас окружили.

– Наемники, – в ужасе прошептала Мари, впившись паль-

цами в мое предплечье. – Это они носят такие нашивки, – кивнула на горящие пламенем древние символы на плече каждого из мужчин.

– Стерва, – я резко повернулась к Вивиан, которая стояла, прислонившись к дереву, и безразлично наблюдала за нами. – Что ты хочешь сделать с нами?

– Я? – хмыкнула она. – Я всего лишь помогаю им. А делают с вами все именно они, – кивнула на мужчин.

Мысленно заскулив, я посмотрела на Мари, которая была ни жива, ни мертва, затем проговорила срывающимся голосом, наблюдая за двумя мужчинами, которые с каменными лицами двинулись к нам:

– Что все это значит? Не имеете права так поступать с нами! Вас найдут и передушат, как котят!

– Тише, – рыкнул один из них и у меня словно судорогой свело горло, заставив замолчать. Подойдя ближе, он окинула меня и Мари холодным взглядом, затем оттолкнул меня к одному из мужчин, который тотчас же схватил меня просто мертвой хваткой, прижав к себе. Затем подошел к Мари и проговорил, обращаясь к остальным: – Это она.

Мари в ужасе открыла было рот, но не смогла промолвить ни слова так же, как и я.

– Развлекаться будете? – этот явно главный так толкнул Мари к своим подчиненным, что она упала на колени.

– Было ведь приказано не мучить, – бросил один из них.

– Да ей все равно умирать. По разу натянуть разрешаю, –

безразлично проговорил он.

– А эту? – спросил держащий меня мужчина. – О второй жертве речи не было.

Главный подошел ко мне и больно ухватил за подбородок, заставив заскулить, чувствуя, как слезы просто рекой льются по моим щекам.

– Вивиан, сколько такая девка будет стоять на землях лугару? – он перевел свой убийственный взгляд с меня на темную ведьму.

Девушка подошла ко мне и, жуя травинку, проговорила, нагло ощутив мою грудь:

– Ну, если девственница, так целое состояние. Если же вы ее сейчас оприходуете, то вполовину дешевле.

Главный наемник вновь окинул меня своим дьявольским взглядом, затем бросил остальным:

– Тогда с вас и одной будет достаточно. Эту продадим. Деньги лишними не бывают, как и удовольствие, – скривил губы в презрительной улыбке и, отвернувшись от меня, двинулся к стоящей на коленях Мари.

Едва только он подошел к ней, как Мари, хрипя и пытаясь выкрикнуть хоть что-то, вскочила на ноги, но главный поймал ее за волосы и, отвесив пощечину, опрокинул на землю. К ней сразу же подошли двое других мужчин. Один из них ухватил ее за ноги, второй за руки. Главный же, словно наслаждаясь ужасом и беспомощностью моей подруги, медленно опустился перед ней на колени и вытащил из штанов

свой огромный вздыбившийся член.

– Обычно я люблю, когда женщина кричит. Но здесь недалеко ваши, поэтому полной картины наслаждения получить не удастся, – сказав это, он лег на Мари и резко овладел ею, глядя в ее расширенные от боли и ужаса глаза.

Я же дернулась, пытаюсь вырваться, но какое там. Держащий меня мужчина словно тисками сжимал до страшной боли мою талию, да и темная магия давала о себе знать, парализую не только мою способность говорить, но и сопротивляться. Когда же я закрыла глаза, не в силах видеть все происходящее, в мою шею уперлось что-то острое, и зловещий голос Вивиан прошипел:

– Смотри, светлая сахарная девочка. Скоро и ты будешь проходить через такое же. Только твоей подруге, в отличие от тебя, повезло. Они наиграются с ней и отправят к предкам. А ты будешь проходить через такое снова и снова, убажывая волков в одном из самых знаменитых борделей столицы. Такая, как ты, будет пользоваться там спросом. Так что смотри, – гаркнула, отвесив мне пощечину. – Иначе перережу горло прям здесь.

Завыв, я только сильнее зажмурила глаза, чувствуя, что готова умереть, только бы не быть свидетелем того, что делали с Мари. Вивиан еще раз замахнулась на меня, но в этот момент держащий меня ведьмак рывкнул, перехватив ее руку:

– Отойди от нее. За сломленную волки ни гроша не дадут.

Ты же знаешь.

Сказав это, он развернул меня к себе, заставив уткнуться ему в шею, и прошептал пару каких-то фраз мне на ухо, отчего я обмякла и словно перестала слышать и довольные стоны мужчин, и всхлипы истязаемой Мари. Словно какое-то отрешенное безумие, не иначе, накрыло меня. Остался лишь запах кожаной мужской одежды, в которую я уткнулась носом, не имея сил отпрянуть от держащего меня наемника. Сколько я так простояла, удерживаемая его рукой, не могла понять, но, когда он снова прошептал мне на ухо какие-то слова, я очнулась и в ужасе съежилась, боясь того момента, когда он повернет меня к страшной картине. Но он, все так же удерживая меня лицом к себе, проговорил, обращаясь к главному:

– Лестат. Эта девка тоже будет стоять немалых денег, – кивнул явно на Мари, всхлипы которой я все так же слышала, и они словно ножом по сердцу резали меня. – Ты знаешь ведь, как лугару любят трахать светлых ведьм.

– Ее приказано убить, – проговорил сухо главный.

– Так и убьем. Но не ее, – сказав это, он отпустил меня, и я просто рухнула без сил на землю, повернувшись сразу к истерзанной Мари, которая лежала свернувшись калачиком и подтянув к животу окровавленные ноги. – Убьем ее, – проговорил безразлично он, кивнув на Вивиан. – Я сделаю по-смертную иллюзию, и все будут думать, что это та девчонка, – вновь кивнул на Мари.

Вивьен в ужасе уставилась на него, явно думая, что он шутит. Главный же сощурил глаза и процедил сквозь зубы:

– Ты что несешь, Хатэрворд?

– А почему нет? – сухо бросил ведьмак. – Ты сам сказал, что деньги так же важны, как и удовольствие. Почему не продать светлую ведьму, а телом этой прикрыть прореху в заказе? Труп будет как две капли воды похож на девчонку. Почему нет? Не веришь? Смотри, – он щелкнул пальцами, от чего Вивиан и правда стала словно близнец Мари. – А эту на продажу, – скривил он свои губы в презрительной усмешке, наблюдая за тем, как Вивиан тщетно пытается сделать хоть шаг, пребывая в таком же парализованном состоянии, как и мы с Мари.

Главный сплюнул на землю и подошел к Хатэрворду. Окинув его взглядом, проговорил, ухмыльнувшись:

– Ты страшное создание. Не брезгуешь даже своим пустить кровь.

– Она не относится к нашим, – спокойно ответил Хатэрворд. – Это просто бесполезная шлюха, которая помогла нам выполнить заказ и не более.

Главный хмыкнул и ответил, похлопав по плечу ведьмака:

– И то верно, – с этими словами он молниеносно вытащил из ножен кинжал и вонзил его в горло Вивиан.

Когда она рухнула на землю, захлебываясь кровью и пытаясь зажать рану, главный проговорил, обращаясь к невозмутимо стоящему подле умирающей Вивиан Хатэрворду, кив-

нужно на Мари:

– Ты еще не поймел девку. Давай, мы подождем.

Ведьмак посмотрел на Мари, которая тотчас же еще сильнее сжалась в комочек и закрыла глаза, затем проговорил стальным тоном, переведя взгляд на главного:

– Я предпочитаю быть первым. Но это было твое право, поэтому я воздержусь.

Главный сначала нахмурил брови, потом усмехнулся, проговорив при этом:

– Уважаю. Сам не люблю болтыхаться в болоте, в котором уже побывали другие. Давай, доводи до конца, – кивнул на Вивиан, которая уже смотрела мертвым взглядом на небо. – И по коням. Нужно еще к волкам заехать, выручить деньги за этих девок. А это займет два лишних дня.

Сказав это, он рывком поставил Мари на ноги и потащил в сторону поляны, на которой были привязаны лошади. Хат-эрворд же щелкнул пальцами и тело полыхнуло пламенем, затем погасло, оставив нетронутым плоть. Колдовство высшего уровня, я точно это знала. Этим он закрепил свою иллюзию, чтобы никто не смог докопаться до правды. Затем он перевел на меня взгляд и протянул руку. Я же, поняв, что более ничего не сдерживает меня, вскочила на ноги и хотела было бежать, но он рыкнул:

– Хочешь жить? Значит даже не думай убегать или издавать хоть звук. Если не хочешь пройти через то же, через что прошла твоя подруга. Уяснила? – процедил сквозь зубы,

рванув меня к себе.

В ответ на это я лишь в ужасе закивала головой, понимая, что все будет как раз так, как он и сказал, если я проявлю непослушание.

Следующие несколько часов мы мчались просто в бешеном темпе через королевский лес. Я сначала сидела на лошади прямо, словно струна, в жутком ужасе боясь откинуться назад и прислониться к везущему меня всаднику, но спустя какое-то время, когда была уже вне себя от страха, боли и изнеможения, все-таки расслабилась и обессиленно прислонилась спиной к сильному телу мужчины, который, казалось, совершенно не знал, что такое усталость. И снова он склонился к моему уху и что-то тихо прошептал, едва-едва коснувшись губами моей кожи, отчего я хотела было дернуться, но лишь погрузилась в какой-то полудрем, интуитивно чувствуя, что могу положиться на силу мужчины и что он не даст мне рухнуть с лошади, даже если я буду крепко спать. Только спать это было громко сказано, ведь действие успокоительного заклинания хоть и притупляло боль, но ужас от прожитого уверенно не отпускал меня, переворачивая все изнутри, особенно когда мой вымученный взгляд падал на серое лицо едущей рядом Мари, губы которой были искусаны в кровь.

Через какое-то время, когда сквозь толстые деревья начали пробиваться лучи восходящего солнца, главный натянул поводья лошади и вздернул руку, приказывая всех остановиться.

– Два часа на отдых. Напоить лошадей, – кивнул на виднеющуюся внизу склона речушку. – И эту привести в порядок, – рывком стащил с лошади застонавшую от боли Мари и толкнул ее ко мне. – Помоги ей.

Я быстро подхватила под руку шатающуюся фигурку подруги и направилась с ней в сторону реки. Мари, сделав пару шагов, застонала и вымученно опустилась на землю, склонив голову и прохрипев:

– Не могу идти.

В этот момент к нам подошел Хатэрворд и словно пушинку подхватил ее на руки. Мари, все еще пребывая в состоянии шока, начала вырываться, но мужчина лишь посмотрел ей в глаза, и она постепенно затихла. Он же быстро зашагал по направлению к журчащей воде. Шмыгнув носом, я засеменила за ним следом, отчего-то пытаюсь держаться поближе к нему. Чем это было навеяно, то ли тем, что он не стал насиловать Мари, то ли тем, что пусть и таким кровавым способом, но все же сохранил ей жизнь, то ли бог весть еще чем, но то, что он не такой, как все остальные, я просто кожей чувствовала это.

Спустившись по склону, он осторожно поставил Мари на ноги и проговорил, обращаясь ко мне:

– Помоги ей искупаться. Пусть немного придет в себя.

Я сразу же подошла к подруге. Дождавшись, пока мужчина отойдет в сторону и отвернется, разделась сама и помогла ей стащить платье, затем тоненькую рубашку и повела ее

в воду, которая, на удивление, была теплой, словно парное молоко. Зайдя примерно по пояс, набрала в пригоршни воду и вылила ее на спину Мари, которая вздрогнула и, словно очнувшись, посмотрела на меня уже более ясным взглядом. Вытерев нос, она перевела взгляд на свое отражение в воде, и одинокая слеза покатилась по ее щеке.

– Вот тебе и черный цветок, – тихо прошептала она и сделала судорожный взмах рукой, стирая с водной глади свое отражение.

Затем она набрала в пригоршни воду и начала умываться. Снова и снова, раз за разом, с болью, с каким-то душераздирающим остервенением, пока я наконец не ухватила ее за запястья и не обняла, заставив уткнуться мне в шею. Рев. Звериный стон и просто море боли вырвалось в этот момент из губ Мари. Плача, она, словно беззащитный ребенок, держалась за мои плечи, будто я была для нее какой-то спасительной соломинкой посреди океана ужаса. Так простояли мы с ней минут пять, потом Мари резко отстранилась и, еще раз умывшись, сполоснула волосы. Отжав их, заколола шпильками на голове и выпрямилась. Даже не посмотрев на меня, побрела на берег.

– Мари, – окликнула я ее и, когда она обернулась, проговорила тихо: – И мой, и твой отец заставят их заплатить за все, что они сделали.

Губы Мари тронула горькая, какая-то жестокая улыбка, и она ответила:

– Да мне-то теперь что? Я жить не хочу, Марисанта. А ты живи, живи, – она сощурила глаза и лишь едва уловимым движением головы указала на воду.

Сказав это, она вышла на берег и начала одеваться. До меня же наконец дошло, что она имела ввиду. Бросив растерянный взгляд на реку, я проглотила комок в горле. Река. Плавала я отлично, не зря отец с самого детства учил меня держаться на воде. Река метров сто шириной и течение не такое уже и сильное. Переплыть под водой – раз плюнуть. И никто из ведьмаков не успеет даже сообразить. А там берег весь в камышах. Зарослях и ветви склонившихся деревьев скроют надежно. Уплыть и черта с два поймают. Растерянно обернувшись, я посмотрела на Мари, которая уже была одета и глядела на меня пристальным, приказывающим взглядом. Выдохнув, я закусила губу, решаясь на такое, но в какой-то момент мой взгляд зацепился за высокую фигуру наемника Хатэрворда, который также смотрел на меня. Едва только мой взгляд скрестился с его, он едва уловимо покачала головой, явно поняв, что я хочу сделать. Нахмурившись, я вновь посмотрела на Мари, которая лишь губами, беззвучно прошептала мне: «Плыви». Снова на Хатэрворда взгляд и по его хищному выражению лица стало понятно, что далеко я от него не уйду. Да и Мари, я точно знала, что если убегу, то они ее без сомнения замучают в отместку за то, что упустили меня. Закусив губу, я вытерла щеки и, отвернувшись, умылась, затем нехотя побрела на сушу. Уже на берегу Мари

прошипела:

– Какая же ты дура, Марисанта. Река для тебя – игрушка. В два счета бы выбралась.

– Это вряд ли, – шмыгнула я носом. – Думаю, этот дьявол плавает лучше и быстрее меня, – кивнула на Хатэрворда, который снова отвернулся, давая мне возможность одеться. – Да и с тобой что бы тогда было? Одну я тебя не оставлю, – проскулила, ощутив, как дрожат от нервного перенапряжения мои руки.

– Со мной уже более ничего страшного случиться не может, – хрипло бросила Мари. – А вот с тобой...

– Хатэрворд, хватит им уже плавать, – словно гром послышался жестокий голос главного. – Веди их сюда.

При звуке его голоса Мари вздрогнула и сжала пальцы в кулак. В этот момент к нам подошел Хатэрворд и проговорил стальным тоном, посмотрев на Мари:

– Они больше не тронут. Чтобы тебя продать подороже, нужно чтобы ты была в хорошем состоянии. Поэтому иди и не бойся, – кивнул на дорожку, ведущую вверх по склону. – А ты стой, – дернул меня за руку, когда я двинулась следом за Мари.

Съежившись в комочек под хищным взглядом мужчины, я лишь беспомощно посмотрела на него.

– От нас сбежать невозможно, – рыкнул он. – Ни от кого из нас. Мы не просто наемники, девочка, но еще и охотники. Поэтому даже думать не смей об этом. Иначе твоя подружка

ляжет в землю как то и было ей предназначено этой ночью.

– Почему вы это делаете? – прошептала я. – За что и кто хотел смерти Мари? Она же просто целитель и не более того. Да, ее отец лорд – весомый советник при наместнике, но она при чем?

Мужчина сощурил глаза и проговорил сухо:

– Тебе этого никто не скажет, девочка. А теперь иди и более не задавай мне таких вопросов.

Сказав это, он подтолкнул меня к тропинке. Спустя несколько минут я уже сидела на поваленном бревне в сторонке подле смотрящей в одну точку Мари и отщипывала кусочки от краяхи хлеба, при этом наблюдая за наемниками, в особенности за Лестатом и Хатэрвордом, ведь первому я точно знала, что когда-то отомщу, а вот второй... что-то в его внешности и энергетике не давало мне покоя. Высокий мужчина, красивые губы которого, казалось, никогда не улыбались... темно-платиновые глаза с каким-то смертоносным отблеском, который то и дело вспыхивал, когда к нему обращался кто-то из других наемников... красивые, строгие точеные черты лица с властным выражением на нем, словно именно он был главным в этой шайке наемных ведьмаков-убийц или же было что-то, отчего он чувствовал себя настолько уверенно, что даже положение подчиненного головореза не могло понизить планку его статуса... даже величественная осанка его идеальной фигуры хищника, не иначе, была какой-то особой, совершенной, но словно отчека-

ненной не в рядах этих падких на деньги убийц, а где-то, где ваяли искусных воинов, призванных защищать жизнь, а не губить ее. Слегка удлиненные волосы, пряди которых падали на его высокий лоб, отдавали редким как для темных ведьмаков серо-пепельным переливом, поскольку те обычно были все черноволосыми и по идеально иссиня-черному оттенку всегда становилось ясно, какая кровь взяла верх в венах того или иного представителя магии, даже если он полукровка, имеющий мать и отца из разных течений магической стороны мира. Что в нем было не так? Что? Он был какой-то другой... или это просто во мне теплилась надежда на то, что раз он не тронул Мари, то он и есть не такой... что он защищает.

Я так засмотрелась на этого мужчину, что, когда он резко повернулся и нахмурил брови, явно заметив, как я за ним наблюдаю, то даже хлеб из рук выронила. Придя в себя, отвела взгляд и подняла краюху с земли. Затем вновь посмотрела на наемника, который уже не обращал на меня внимание, внимательно слушая главного. Спустя пару часов, когда все немного отдохнули, главный скомандовал и наша треклятая процессия снова выдвинулась в путь. По приближающимся далеко на горизонте горам было ясно, что еще сутки в пути и все, будет пересечена граница земель, принадлежащих лугару, а там нужно будет сделать все, чтобы сбежать. И это точно получится, ведь если подле меня и Мари не будет этих чертовых темных, уж кто-кто, а я сумею вытащить и себя, и

ее на безопасную территорию, а потом домой. С этой мыслью я уже более спокойно облокотилась на Хатэрворда и попыталась по максимуму запомнить путь с территории наших земель, до земель волков.

Остановились на следующий привал мы уже ближе к полуночи, когда ночную тишину прорезали разве что протяжные крики сычей да волчий вой где-то поблизости, слыша который, лошади то и дело недовольно ржали, обеспокоенно вскидывая головы. Когда Хатэрворд стащил меня с лошади, я уже едва могла переставлять ноги, в ужасе думая о том, как себя чувствует бедная Мари, которая, как только ее ноги коснулись земли, едва не рухнула, но была подхвачена Лестатом, который тут же со злостью встряхнул ее, заставив прийти в себя. Я сразу же подбежала к ней и помогла сесть подле огромного дерева, бережно натянув пониже на ее тоненькие ноги подол платья.

– Укройтесь, – Хатэрворд бросил нам свой отороченный мехом плащ, явно сжалившись над нами от вида того, как мы с Мари сидим и едва не стучим зубами.

Я вымученно улыбнулась, затем накрыла и себя, и Мари тяжелой шерстяной тканью, от которой едва уловимо пахло какими-то травами. Почувствовав тепло, подруга сразу же откинулась на ствол дерева и спустя четверть часа мирно задышала, заснув крепким, измученным сном. Я же все никак не могла уснуть, отрешенно наблюдая за тем, как наемники разожгли костер и уселись подле него, поделив между собой

еду, мешок с которой швырнул перед ними Лестат. Бросив на меня пристальный взгляд, Хатэрворд поднялся на ноги и отошел от костра. Опустившись напротив меня на корточки, он протянул флягу с вином и полотняный мешочек с парой кусков хлеба и ветчиной.

– Поешь сама и ее накорми, когда проснется, – кивнул на спящую Мари. – Завтра поесть не удастся, нужно будет до восхода выдвинуться в путь, чтоб миновать до обхода караула приграничный район, а к обеду уже будем в столице. Так что ешь, силы понадобятся.

Я неуверенно взяла из его рук еду и едва не заревела, лишь кивнув в знак благодарности. Когда он отошел от нас, я жадно съела свою долю хлеба и ветчины, запив при этом вином, которое было таким крепким, что у меня даже дух перехватило. Закашлявшись и едва не разбудив Мари, я тихонько отложила мешочек с едой в сторону и укуталась по сильнее в плащ. Едва только закрыла глаза, желая уснуть, как раздался стальной голос Лестата:

– Ты говорил, что предпочитаешь быть первым, Хатэрворд. Я разрешаю тебе побаловаться с девчонкой, с которой ты так носишься.

Испуганно открыв глаза, я посмотрела на мужчин. Лестат сидел, откинувшись на ствол дерева и, сощурился, смотрел на Хатэрворда, в руках которого застыла кружка с вином, которую он спустя секунду медленно поставил на землю и проговорил сухо:

– Девчонка будет стоять больших денег, если останется нетронутой, Лестат.

Главный скривил губы, окинув меня хищным взглядом. Затем проговорил с насмешкой:

– Она и так будет стоять немалых денег независимо от того, объездил ли ее кто или нет. Красивые ведьмы всегда в цене. Так что не неси пургу, Хатэрворд. Ты сам знаешь, что я прав. Не хочешь ты, значит отдам кому-то из них, – кивнул на других наемников, которые сразу оскалились в предвкушении. – Они точно не будут раздумывать над тем, трахнуть эту малышку или нет.

Хатэрворд сощурил глаза и спокойно проговорил:

– Отдашь им, и я сниму заклятие с тела той шлюхи, которую мы оставили в лесу вместо девчонки. Потом к тебе, как к главному исполнителю, со стороны хозяина будет очень много вопросов, Лестат.

Главный сомкнул губы в угрожающей полуулыбке и проговорил с предупредительными нотками в голосе:

– Я тебя потом прирежу за такое.

Хатэрворд же, не меняя своего спокойного тона, ответил:

– Попробуй. Ты силу мою знаешь. Не даром ведь ты лично отбирал меня в свою свору. Я стою шестерых наших, – он кивнул на остальных. – Кто-то из нас двоих да погибнет. Вопрос в том, я это буду или ты, – повел бровью и, взяв кружку, медленно, не сводя глаз с Лестата, допил вино.

Тот, сплюнув на землю, процедил сквозь зубы:

– А теперь серьезно. Ты никогда не участвуешь в наших развлечениях, Хатэрворд. Мне это не нравится не потому, что я не уважаю твое отношение к женщинам, а потому, что я хочу отдать руководство одной из своих групп тебе. Но мне нужен некто, чьи моральные устои будут стоять на втором месте после жестокости, иначе группа будет провальной, если будет подчиняться такому благородному, – он недовольно скривился, глядя на Хатэрворда, – вожаку. Трахни девку, – кивнул на меня, – и из столицы волков ты уже выйдешь не как мой подчиненный, а как равный мне. От моего слова зависит, дадут ли тебе такие полномочия, ты знаешь. Трахни ее и подчиняться будешь только напрямую главе нашей лиги, – убийственным тоном проговорил он и замолчал, сверля взглядом Хатэрворда. – А нет, так я и правда рискну. Посмотрим, кто кому рожу начистит.

Меж бровей Хатэрворда враз пролегла складка и он перевел свой стальной взгляд на меня, заставив отчаянно затрясти головой. Помедлив, он поднялся на ноги и двинулся ко мне. Я же закусил губу, чувствуя, как по щекам потекли слезы, и вскочила на ноги, прижавшись в ужасе к стволу дерева. Когда мужчина подошел ближе, я заревела:

– Пожалуйста, не надо. Вы же не такой, как они. Вы же не такой.

Хатэрворд же лишь, молниеносно ухватив за руку, дернул меня и потащил за собой. В этот момент позади раздался насмешливый голос Лестата:

– И я хочу, чтобы она кричала от боли, Хатэрворд. Не жалей малышку, пусть запомнит тебя на всю жизнь. Исполни мою просьбу, будь добр.

Хатэрворд повернулся к нему и проговорил стальным тоном:

– Я трахну ее так, как того хочу я, а не ты, Лестат.

С этими словами он потащил меня, кусающуюся и царапающуюся, вглубь леса. Когда мы отошли от поляны метров на двести, Хатэрворд развернул меня к себе. Я же, словно кошка, что есть силы вцепилась в его кожаный жилет, пытаюсь вырваться, но, когда поняла, что мне этого сделать не удастся, заскулила и поникла, чувствуя, как меня просто трясет от ужаса. Хатэрворд ухватил меня пальцами за подбородок, заставив посмотреть на него, и проговорил жестко:

– Сыграть хорошо сможешь?

Услышав это, я непонимающе уставилась на него и судорожно вытерла зареванный нос.

– Ч..что? – проговорила срывающимся голосом.

– Две секунды на размышление. Хочешь, чтобы я не тронул тебя – значит сыграй так, чтобы те, кто там слушает сейчас, а может захочет и подсмотреть, – кивнул в сторону мелькающего между деревьями огня, – были на все сто уверены, что я вдоволь с тобой наигрался. Ну? – рывкнул, встряхнув за плечи.

– С..сыграть? Как? – прошептала испуганным голосом, больше думая, что он издевается, а не говорит правду.

– После того, что ты видела прошлой ночью в лесу, мне еще и учить тебя надо? – процедил он сквозь зубы.

– Нет, – я затрясла головой, вспомнив ужасную картину насилия над Мари.

Хатэрворд кивнул и, взяв мое лицо в ладони, проговорил тихо:

– Я не трону. Правда. Но нужно сделать все, чтобы они поверили. Поэтому кричи, кусайся, отбивайся, остальное на мне. Готова?

Я проглотила комок в горле и кивнула. Едва только сделала это, Хатэрворд повалил меня на траву и одним рывком задрал на мне подол платья. Я же, после секундного замешательства, отвесила ему пощечину и начала отбиваться, крича на весь лес так, словно он и правда пытался меня изнасиловать. Хотя кричала я, по правде говоря, еще и потому, что правда боялась, что это так и будет, ведь мужчина вел себя так же, как вели себя и те, кто издевался над Мари. Его губы, жестокие поцелуи были везде – на моих губах, шее, груди, плечах. Руки сжимали, словно тиски, то и дело блуждая по моим бедрам и между ними, срывая на мне белье и оставляя на коже болезненные ласки. Когда я почувствовала его обнаженное тело между своих ног, так и вовсе взвыла, хоть на интуитивном уровне знала, что этот мужчина правда сдержит слово и не обидит меня. Сколько длилось такое постановочное сражение между нами, трудно сказать, но в какой-то момент, когда я уже готова была умереть просто от

усталости, ведь сопротивляться такому, как он, было очень и очень тяжело, Хатэрворд зарычал и придавил меня всем весом своего тела, хрипло прошептав на ухо:

– Все. Перестань. Думаю, что этого достаточно.

Я облегченно, вымученно заскулила и затихла. В этот момент где-то неподалеку раздался хриплый смешок и шорох удаляющихся шагов. Наблюдал. Лестат наблюдал как то и предвидел Хатэрворд. Когда шаги затихли, Хатэрворд приподнялся на руках и посмотрел мне в глаза. Убрал волосы с моего лица, проговорил мягким, с виду каким-то несвойственным ему тоном:

– Испугалась? Извини, по-другому нельзя было.

– Н..ничего, – дыша, словно загнанная лань, пискнула я, ведь даже будучи не сведущей в таких делах, ощущала, что тело мужчины было более чем готово к тому, чтобы проделать все то, что нужно, по-настоящему. – Может отпустите меня? Вы же...я, – прошептала и почувствовала, как мои щеки просто запылали.

Мужчина, помедлив, произнес наконец:

– Трудно не реагировать на такую близость красивой девушки. Даже в такой ситуации. Будь все иначе, я бы тебя не отпустил, – после этих слов он провел пальцем по моим губам, от чего я просто едва не умерла от страха, затем поднялся, едва скрыв улыбку от того, с каким ужасом я окинула взглядом его обнаженные бедра и огромный член.

Пока он поправлял одежду, я, поднявшись на ноги, то-

же молниеносно привела себя в порядок и обхватила руками, пытаясь унять так дрожь в теле. Хатэрворд, окинув меня взглядом, проговорил строго:

– И не забывай, для всех тебя только что изнасиловал голворез. Веди себя соответственно этому. Не стоит смотреть на меня так, как то ты делала на протяжении всего времени. Теперь ты готова убить меня. Помни об этом каждый раз, когда твои глаза будут устремлять свой взгляд на меня. Я не прекрасный рыцарь, я – тварь из преисподней. Запомнила? – рыкнул, явно видя, что я смотрю на него, как на какого-то и правда героя-спасителя.

– Запомнила, – шмыгнула носом, вздрогнув при этом, и внезапно спросила, тронув его за руку, едва только он кивнул мне, приказывая идти вперед: – Кто вы?

Мужчина нахмурил брови и смерил меня непонимающим взглядом.

– Кто вы? Вы же не только темный ведьмак. Полукровка, скорее всего. Да и не в этом дело. Я не чувствую в вас жестокости, присущей тем, остальным наемникам.

– Значит я не ошибся. Ты эмпат? – помолчав, строго бросил он наконец, окинув меня пристальным взглядом.

Я вымученно скривилась и проговорила нехотя:

– Никудышный эмпат, скорее всего так. Считывать внутреннее состояние и то могу через раз, а уж про то, чтобы поглощать эмоции, усиливать их, уравнивать по щелчку дисбаланс в душе кого-то – так это для меня вообще ката-

строфа. Или сама потом больная хожу, или наоборот не излечу, а наврежу. Поэтому мама с папой плюнули на мою магию, перестав ее развивать. Уж очень болезненно я все переносила. Наставница в детстве говорила, что так бывает. Не все из нас великими ведьмами вырастают. Так и я.

– Странно, если честно. Ведьмы вашего ковена очень способные. Особенно если это эмпаты, – сощурил он глаза, окинув меня взглядом.

– На мне магия решила отдохнуть, наверное. Ну так что, я не ошиблась? – проговорила, заглядывая в платиновые глаза. – Вы не такой?

Губы мужчины в ответ на это тронула жесткая улыбка и он ответил, проведя пальцами по локону моих волос:

– Ты права. Плохой из тебя эмпат. Я не трахнул тебя только потому, что завтра собственноручно продам тебя, не тронутую, в бордель, который принадлежит одной моей старой знакомой. Она даст мне за тебя баснословные деньги, а с ними, – кивнул в сторону раздающихся противных голосов наемников, – я поделюсь долей цены, которую дали бы за тебя, если бы ты уже была объезжена кем-то. Так что никакой жалости или человечности, девочка. Чистый расчет. Ты стоишь таких денег, что я смогу еще очень и очень долго покупать себе опытных шлюх, с которыми предпочитаю проводить время. Лестату нужно было доказательство того, что я могу быть жестоким, я его ему дал. Мне же нужны деньги, полученные за то, что у тебя между ног. Так что прекрати

смотреть на меня с таким наивным восхищением. Я такой же дьявол, как и они, может даже хуже. А теперь пошли, – на удивление грубо подтолкнул меня, хищно усмехнувшись. – Завтра вставать рано.

Когда он потащил меня в сторону поляны, меня словно ведром ледяной воды окатили. Закусив губу, я окинула его разочарованным взглядом, вздрогнув при этом, настолько мне стало противно от услышанного и от понимания того, насколько я еще несведуща в этой жизни. Как там говорила Тириз? Мир – страшная сказка? Так оно и было. Не более и не менее. И чем меньше ты видела этот мир, тем она страшнее.

Глава 3

– Корсак, пойдешь с Хатэрвордом, – бросил сухо Лестат на следующий день, когда процессия остановилась в пределах километра от столицы государства лугару.

– Какого черта я? – рыкнул недовольный ведьмак, взяв в руки поводья лошади Лестата, на которой сидела Мари.

– Нечего светиться там нам всем. Поможешь отвезти ему товар, – кивнул на меня и Мари. – Пока он будет договариваться насчет цены, можешь отдохнуть там за мой счет, – швырнул ему золотой, и наемник скривил губы в довольной улыбке, вскочив на лошадь позади Мари.

– Мы двинемся к старому лесу, – сказал Лестат, обратившись к Хатэрворду. – Догоните нас там.

Когда всадник с Мари направил лошадь на дорогу, ведущую к городской стене, она обернулась и крикнула, обращаясь к Лестату:

– Я когда-нибудь отомщу тебе. Клянусь.

Лестат на мгновение удивленно приподнял брови, затем хмыкнул:

– Ты выживи сначала в борделе, маленькая сучка, потому как то, что мы сделали с тобой, покажется тебе милой игрой по сравнению с тем, что с тобой будут проделывать лугару. Не веришь? Спроси у своей подружки, каков волк в тот момент, когда его охватывает голод? Так это он был один,

а если трое или четверо? – сказав это, он заржал и вскочил на лошадь, свистом приказав своих подчиненных двигаться следом.

Едва только я услышала это, то непроизвольно резко посмотрела на Хатэрворда, который лишь глаза угрожающе сузил, глядя на меня, затем вскочил на лошадь позади и направил ее следом за всадником, везущим Мари.

– Значит лугару, – проговорила я, пытаюсь говорить как можно более равнодушно, хотя по спине просто мурашки поползли, ведь данное сочетание обычно ваяло из таких личностей воистину идеальных головорезов, способных противостоять не только ведьмакам, но еще и другим жестоким представителям нашего непростого мира. – И как я сразу не догадалась. В свите нашего наместника есть ведь пара таких зверей. Только они наполовину вампиры. Наполовину темный ведьмак и волк. Дикое смешение кровей, которое дало столь редкий эффект в виде ребенка, наделенного такими силами. Обычно одна сторона остается подавленной. А в вас нет, более чем уверена. Вы ведь обращаетесь так же просто, как и владеете темной магией, не так ли?

Хатэрворд ничего не ответил на это, и я вновь спросила:

– Кто ваши родители? Мать была ведьмой или лугару?

– Ведьмой, – нехотя проговорил Хатэрворд. – И я не совсем полукровка, несмотря на то, что мой отец был лугару.

– Как так? – удивленно спросила я.

– Судьбы решение, – сухо отчеканил мужчина, давая лишь

тоном понять, что говорить об этом не желает.

Замолчав на пару минут, я проговорила тихо, чувствуя, как задрожали мои губы:

– Отпустите нас, пожалуйста. Мой отец, да и отец Мари, заплатят вам в десять раз больше, чем в том борделе, куда вы нас везете. Вы же знаете это. Если для вас так важны деньги. Вы же не причастны к тому, что остальные сделали с Мари, к тому же именно благодаря вам она жива осталась. Да и меня вы не тронули. Отец не только вознаградит вас так, что вы до конца дней ни в чем нуждаться не будете, но еще и к наместнику на службу устроит. Такой, как вы – это же находка для любого венценосца. Поди сыщи столь могущественного подданного. Таких, как вы, по пальцам пересчитать можно. Пожалуйста, не губите, – хрипло закончила я и смахнула побужавшие по щекам слезы.

– Нет, – сурово ответил мужчина.

– Но почему? – заскулила я. – Он правда заплатит!

– Девочка, я темный наемник. Это не просто звание, а положение в мире темных, которым я жертвовать не хочу. Такому, как я, в твоём светлом мире места не будет, даже если спасу от гибели самого наследника вашего престола. Так что прости, но я делаю то, что мне больше подходит по статусу. И прекрати плакать, слезы меня не трогают.

После этого я не проронила больше ни слова, лишь, кусая губы, переключилась на наблюдение за местом, куда нас привезли.

Настороженно разглядывая город, принадлежащий волкам, я отметила про себя, что он круто отличался от нашего и казался каким-то необычным местом, где воедино смешивались какая-то особенная, невидимая волчья магия и реальность. Больше строгости в архитектуре, больше сохранившихся старинных, практически не тронутых временем особняков, фонтанов и памятников в виде красивых статуй, которых здесь было так много, что я даже удивилась. Лугару ведь были довольно-таки суровым народом, но вот почитали прекрасное, возможно, даже больше, чем мы. Чего стоили только красивые беседки из мрамора, которые то тут, то там утопали в извилистых ветвях плюща подле какого-нибудь струившего изумительно чистую воду причудливого фонтана, посреди которого стояла очередная красавица, вытесанная из белоснежного камня. Какой-то трепет вызывали узкие, вымощенные грубыми булыжниками каменные улочки, которые вели к выделявшимся своей архитектурой и древностью зданиям, украшенным символами принадлежности к линиям крови. Каждое здание, не говоря уже о каждом милом домике, было образцом поклонения жителей перед своим городом, не иначе. Столько памятных вековых образцов культуры... как же, города лугару редко страдали от военного столкновения, ведь волки знали толк в стратегии и, в большинстве своем, в тяжелые годы противостояний практически не подпускали противников к своим домам. На каждой улице располагались крохотные лавочки и

кофейни, где можно было отдохнуть и выпить чашечку душистого шоколада, обсудить последние новости и слухи города...словно дома. У меня даже слезы на глаза навернулись при мысли о родном городе...увиджу ли его еще...мелькнула украдкой надежда...кто знает. Возле каждого здания стояли латерны, которые зажигались каждый вечер и напоминали о том, что в этом городе нет места мраку. И какой-то особенный воздух...наполненный запахами и звуками города – горящий уголь, пекущиеся в печах пироги у какой-то хозяйственной хозяйки, шум птиц и зверей, которые сустились в городских каналах и которых здесь было на удивление очень много...дань уважения к миру природы, не иначе. Зажмурив глаза от внезапно ослепившей меня вспышки, я подняла голову и увидела на невысокой башне статую в виде волка, глаза которого были сделаны из кристаллов, сверкающих при свете солнца. Городские хранители от злых духов и темных сил, не иначе. Я была больше чем уверена, что даже ночью, когда город погружался во тьму, эти глаза сверкали так же ярко, как и днем.

Волчий город, несмотря на мое удрученное состояние, показался мне загадочным и привлекательным местом, где магия и дух природы зверя слились воедино, создав неповторимый облик этого мира.

Проезжая мимо милого особняка, на лужайке за изгородью которого в куклы играли две девочки лет семи, я невольно закрыла глаза...беспечность...такими же и мы с Мари бы-

ли в детстве, и такими же в будущем были бы и наши малютки, не случись то, что сотворили с нами эти исчадия ада. Выпрямившись, как струна, я прошипела, обернувшись вполоборота к везущему меня мужчине:

– Вы тоже ответите за то, что привезли нас сюда, – кивнула на вычурное здание из красного камня, подле входа в которое стоял со скучающим видом дворецкий в зеленой livree и подле которого спешился второй наемник. – Можете ведь поступить, как подобает настоящему мужчине! Можете! – едва сдерживая слезы резко выдернула у него свою руку, когда Хатэрворд остановил лошадь и стащил меня с нее.

– Марисанта, не стоит плакать, – сухо бросила с отрешенным видом Мари, направив на меня пустой взгляд. – Зачем доставлять им еще большее удовольствие? Держи себя в руках, а наши отцы все равно им головы со временем с плеч снимут. Тешь себя этой мыслью.

– Меньше болтай, сука, – рявкнул на нее наемник и подтолкнул ко входу в здание.

Хатэрворд лишь молча кивнул мне на двери, и я побрела следом за Мари. Едва только мы оказались в большом холле, в котором витал запах каких-то пряных трав, дворецкий проговорил, откланявшись:

– Я сейчас позову мадам Ралису.

С этими словами он взбежал по лестнице на второй этаж, и к нам оттуда спустя минуту спустилась красивая женщина лет пятидесяти, которая, сошурив свои темно-графито-

вые глаза, пристально окинула нас взглядом и проговорила, улыбнувшись приветливой улыбкой, которая ну никак не взялась с ее грозным видом:

– Хатэрворд, давно не захаживал. Рада видеть тебя, – она слегка склонила голову и протянула ему руку для поцелуя, затем перевела взгляд на Мари и меня. – А это...? – замолчала и изогнула в немом вопросе бровь.

– Это пополнение рядов ваших пташек, – хмыкнул второй наемник, подтолкнув Мари к женщине. – Хатэрворд, ты сам разберешься с этим всем? Не хочу тратить время попусту. К кому из ваших девок можно заглянуть под юбку прямо сейчас? – спросил у женщины, когда Хатэрворд небрежно махнул ему рукой.

– Пиран, отведи джентльмена к Сиси. Она работает уже, скорее всего, – улыбнулась женщина, и дворецкий повел наемника на второй этаж. – Ну, а вы пойдете в мой кабинет, – едва уловимо нахмурила брови и пригласила кивком следовать за ней.

Миновав длинный коридор, мы вошли в большую комнату, обставленную с каким-то не свойственным для женщины строгим вкусом. Мадам Ралиса скрестила руки на груди и медленно спросила у Хатэрворда:

– Особый товар?

– Это не товар, – ответил мужчина, присев на край стола. – Я таким не занимаюсь.

Услышав это, мы с Мари настороженно переглянулись.

– Что тогда? – нервно закурив сигарету, мадам Ралиса нахмурила брови, всем видом давая понять, что ей не по нраву происходящее.

– Ты мне должна. Помнишь? – протянул медленно Хатэрворд, отщипнув с лежащей на блюде кисти виноградину и отправив ее в рот.

– Как же забыть такое? – мадам Ралиса вздернула подбородок. – Пришла пора расплачиваться по счетам?

– Пришла, – ответил мужчина.

– И что ты хочешь, чтобы я сделала?

Хатэрворд медленно подошел ко мне и окинул взглядом, затем повернулся к мадам Ралисе и проговорил:

– Рон частый гость в твоём заведении?

– Твой брат? Не скажу, что прям частый, но порой захаживает, – осторожно ответила она, и я заметила, как ее пальцы, держащие мундштук, задрожали.

– Подсунь ему эту девчонку, – кивнул на меня.

– Нет-нет, – сразу же вздернула она в ответ ладонь и отрицательно затрясла головой. – Я в твои игры больше не играю, Хатэр! Сколько было уже их, этих ведьм, которые с моей подачи пытались пролезть не только к нему в постель, но и в душу, и все, как одна, потерпели неудачу. Хватит уже, достаточно! Взрослый, опасный мужлан, а все как ребенок пытаешься навязать брату ведьму.

Мужчина усмехнулся, затем, когда мадам Ралиса замолчала, скрестив руки на груди, он проговорил:

– Ты права. Детство закончилось, и я оставил позади игры в исполнение угрозы, что когда-то посмеюсь над Ронмарком в тот момент, когда его сердце забьется сильнее от чувства, испытанного к ведьме. Нет, Ралиса, я не поэтому хочу, чтобы ты свела его с этой девчонкой.

– А почему тогда? – нахмурила свои вороны брови женщина, с опаской сощутив глаза.

– У Рона есть кое-что, принадлежащее мне, и я хочу, чтобы эта девчонка мне его вернула. Это нечто находится в его городском особняке, – ответил он.

– И что это такое? – осторожно протянула женщина.

– Скажу тогда, когда девчонка сможет проникнуть в дом, не ранее, – сурово бросил он. – Пока все, что на данном этапе вам нужно знать, я озвучил.

– Вы о чем вообще? – пискнула я, абсолютно не понимая, о чем идет речь. – Не знаю, что вы там удумали себе, но я участвовать в этом не буду!

– Будешь, маленькая, будешь, – спокойно ответил Хатэrvорд, блеснув изучающим огоньком глаз. – Ты же очень любишь свою подружку? Любишь. Не будь это так, ты еще вчера бы в реку нырнула, а так нет, осталась ведь, зная, что с нее три шкуры спустят тогда за твой побег. Вот и сейчас. Хочешь, чтобы Мари осталась жива и ее не постигла участь ночной пташки, которую драть будут каждый вечер так, что произошедшее в лесу ей покажется милой прелюдией? Хочешь?

– Только не это, – едва слышно прошептала я, чувствуя, что какая-то непонятная жизненная западня продолжает затягивать меня в свою воронку.

– Я тоже так думаю, – ответил Хатэрворд. – Ралиса обещает твоей подруге безопасное нахождение в пределах этого клана. Она даже найдет того, кто поможет ей сгладить в душе все то, что породило произошедшее. Девочка оправится и, когда придет время, я верну ее домой целой и невредимой. Взамен же ты сделаешь так, чтобы мой брат впустил тебя в свой дом, затем заберешь оттуда то, что мне надо. А чтобы попасть туда, тебе нужно будет заинтересовать его. Сделаешь – выиграешь свободу для вас обеих.

– Марисанта, не верь ему, – Мари резко ухватила меня за руку. – Темные всегда играют в грязные игры. Не будет никакой свободы.

– Можно поподробнее? Заинтересовать – понятие растяжимое. Да и зачем интересовывать? Можно ведь сыграть служанку или бог весть кого. И с вашими-то способностями! Что, не можете забрать оттуда сами то, что вам нужно? – со злостью спросила я, не обратив внимание на слова Мари.

– Ронмарк фон Самар. Мой родной брат. Матери у нас разные, а вот отец один. Мой брат – лугару, но его сторона волка мертва. Не буду сейчас вдаваться в подробности. Ралиса потом тебе все сама расскажет, если захочешь. Так вот, попасть в дом моего брата не так просто. Его личная территория не слишком доступна для темных ведьмаков, да и во-

обще в его дом вхожи единицы. Слуг экономка подбирает только с его одобрения. Да и ведьму он точно не впустит в свой дом даже на роль полумойки. Но дело не только в этом. Чтобы забрать оттуда нечто и суметь выбраться, нужно будет усыпить всех его обитателей. Слуг, охрану и прочих, ну и самого Ронмарка. Тебе это под силу, девочка, так ведь?

Услышав это, я удивленно приподняла брови и проговорила:

– Мне? У меня нет таких сил! Я простой эмпат и не более того! Усыпить? Вы о чем вообще!

– Эмпат, маленький эмпат, – он медленно подошел ко мне и, протянув руку, убрал прядь моих волос со лба. – Милая, беззащитная с виду сила, призванная помогать. Мало кто знает, на что способен ее управитель, который при желании может во сто крат усилить в каждом из нас самые страшные наши кошмары, переживания и тяжкие эмоции. Усилить так, что они запросто смогут свалить с ног и опрокинуть в беспмятство пару-тройку десятков находящихся рядом. Вот это от тебя мне и нужно, девочка.

– Что? Я? Да я едва могу различить то, чем каждый из вас движим! Я же вам говорила, что мои силы ничтожны. О чем вы? – воскликнула, глядя в темные глаза смотрящего на меня мужчины.

– Ты правда слаба. Не спорю. Но если применить небольшой усилитель, то ты вполне себе сможешь сделать то, что от требуется. Через пару дней мой поверенный принесет такой

усилитель с указанием того, что тебе нужно будет сделать в итоге. Потом отсчет времени пойдет на убыль. Чем дольше ты будешь тянуть с нужным мне результатом, тем меньше вероятность того, что я в итоге буду лоялен и к тебе, и к твоей подружке. Заинтересуй Рона так, чтобы ты смогла попасть в его дом как особая гостья. Уж как ты это сделаешь, мне плевать. Хоть ноги раздвигай перед ним, но в его особняке ты должна оказаться. Ралиса тебе в помощь. Уж она-то знает, как сделать так, чтобы любая змея ангелом казалась, беспрепятственно проползая хоть в сами райские кущи. Так ведь? – он бросил строгий взгляд на женщину, в глазах которой с каждым его словом все сильнее разгорался огонек ужаса.

– Хатэрворд, – наконец промолвила она. – Ты смерти моей хочешь?

– Да бог с тобой, Ралиса, – мужчина недовольно свел брови. – Не делай вид, что твой хитрый нос по приказу короля не лез никогда на территорию вхожих в совет. Я ведь знаю, что твои девки не просто шлюхи. Так ведь? Ищейка ты наша.

Мадам Ралиса раздула ноздри и, вскинув подбородок, воскликнула возмущенно:

– Ты не король и твой брат не просто вхожий в совет! Я не буду выполнять твою просьбу, роя могилу и себе, и этой девочке, – она кивнула на меня.

Мужчина подошел к ней почти вплотную и медленно поднял руку, погладив пальцами сначала ее щеку, затем шею, внезапно сдавив ее так, что женщина испуганно дернулась,

пытаясь отстраниться.

– Сделаешь все, как я сказал, – рявкнул он. – Иначе я сам лично вырою тебе яму. А эта, – кивнул на меня, – и так одной ногой уже там и выберется оттуда только в том случае, если выполнит все, что нужно мне. Сделай все, чтобы она пересеклась с Ронмарком и понравилась ему настолько, чтобы он впустил ее на свою территорию. Как ты это воплотишь в жизнь, не моя головная боль. Уяснила? – процедил ей в лицо и отдернул руку.

Мадам Ралиса закашлялась и, судорожно вдыхая воздух, прохрипела:

– Ты понимаешь, что привлечь его так, как ты говоришь, это просто невозможно? – нервно вдохнула, окинув меня взглядом. – Ты плохо знаешь своего брата, если требуешь такое и от меня, и от этого... ребенка. Она же ведьма, Хатэр. Он не подпустит ее настолько близко к себе. Тебе ли не знать этого! Двери особняка Ронмарка фон Самара открыты лишь для самых близких для него, а их по пальцам пересчитать можно! И вообще, в этом деле нужно придумать что-то другое, а не полагаться на эту перепуганную девочку!

– Нет, – отчеканил тот. – Я бы давно уже все сделал, будь все так просто. В дом может и можно подослать кого-то, но вот оттуда не выбраться никому с тем, что мне нужно. И шага ступить никто не успеет за пределы, как Рон глотку ему перегрызет! А если не он, так его адская волчья свора, которая живет на территории особняка. В общем, сделай так, Ра-

лиса, как обычно делаешь, когда выполняешь приказ короля насчет послов иных кланов. Есть мужчина, есть женщина. Сведи их, чтобы она смогла потом выполнить то, что мне нужно.

– Ронмарк не просто мужчина! – взревела та в ответ. – Не знаю я, что ты там удумал забрать у него, но потом кто будет отвечать за это? Девок пусть ты в ковен вернешь, а я что? Головой на плаху с подачи твоего брата? Нет уж. Как хочешь. Хоть убей. Не буду я впутываться в это!

– Будешь, дорогая моя Ралиса, будешь. Хоть убей говоришь? Да что ты? Хорошо подумала? Я ведь и пальцем не трону, а вот молодой король много чего с тобой сделает, когда узнает то, за что ты мне должна, – предостерегающе протянул Хатэрворд.

После его слов мадам Ралиса испуганно заморгала и сделала судорожный вдох. На мгновение опустив голову, она закрыла глаза, а спустя четверть минуты проговорила, едва сохраняя самообладание:

– Хорошо, я помогу. Но ты должен понимать, что просто красивых глазок недостаточно для того, чтобы такой, как Ронмарк фон Самар впустил на свою территорию саму ведьму. Может ничего и не выйти, Хатэр. Я не всеильная.

– Некоронованная королева куртизанок всей столицы, твою мать, ты мне будешь рассказывать о том, что красивая женщина не сможет добиться желаемого? Мне начать перечислять всех из твоих девок, которые оказались вхожи в сам

королевский дворец только потому, что уж очень ловко умеют сосать член? Рон такой же, как и все мы, – рыкнул он в ответ.

– Не такой, – отчеканила Ралиса. – И она... не такая. Она ребенок еще! Сколько ей? Семнадцать? Да куда ей самого мертвого волка вокруг пальца обвести? Ты в своем уме?

– И чем он не такой? Тем, что его все зовут «мертвый волк»? – недовольно хмыкнул Хатэрворд. – Не проживи я с ним под одной крышей двадцать пять лет в свое время, я бы тоже может в ужас приходил от этого прозвища. Да, личность еще та, и да, не каждой он по зубам в плане характера, который словно сплетен из колючей проволоки. Но он такой же, как и все мужчины. А она... Здесь и не нужна шляха. Девчонка молоденькая, красивая. Как раз такую он и не заподозрит ни в чем. Она справится.

– Справится? – изогнула скептически бровь мадам Ралиса. – Она ж неопытная. Посмотри на нее, – махнула рукой и подошла ближе ко мне. – Ребенок еще такой. Не хочу я погибать только потому, что ты заставляешь меня сделать невозможное. Свести Ронмарка и ведьму. История еще та, да еще и с неизвестным продолжением для всех нас! Хатэр, очнись! Ты слишком много требуешь от меня в счет уплаты долга! Это же Ронмарк фон Самар, – застонав, взмолилась женщина. – Он же потом и меня в землю уложит, и девочку.

– Прекрати причитать! – рявкнул мужчина. – Если кого он и захочет уложить в землю, так это меня. Рон может и

дьявол в ваших глазах, но он не станет губить подневольных, коими вы и будете являться во всей этой истории. Я сам буду разбираться потом с ним. Верь мне. Ничего страшного не случится ни с одной из вас после того, как вы сделаете все, что я приказываю. А вот если нет, то уж я точно позабочусь о том, чтобы жизнь для вас медом больше не была никогда, – он сощурил угрожающе глаза и окинул взглядом меня, Мари и мадам Ралису.

– А что потом? – строго бросила я, пытаюсь собрать все услышанное в мало-мальски понятную картинку. – Вы даете слово, что вернете меня и Мари домой?

– Грозная такая, – усмехнулся Хатэрворд. – Даю слово.

– Слово того, кто вряд ли умеет его держать, – брезгливо фыркнула Мари, отойдя к окну.

– Нет, он слово держит всегда, – нехотя проговорила мадам Ралиса. – Допустим, это можно будет сделать, ладно. Но меня волнует вот еще что, Хатэр. Мир с ведьмами на ладан дышит. Если кто узнает, кого мы здесь удерживаем... девки явно не из простых семей. Я даже спрашивать боюсь, кто они, – она окинула меня и Мари настороженным взглядом, и замолчала.

– А что нам до мира или войны, Ралиса, – безразлично ответил мужчина. – Это они пусть боятся. Нам-то что? Дарана больше нет в живых. У него родилась дочь, и она никому дышный элиминант. Так что, если и вспыхнет противостояние, ведьмы первые в опале окажутся. Скажу даже по-друго-

му тебе, Ралиса. Если эти две малышки станут причиной начала грызни, наш молодой король совершенно не будет против этого. Но держать в секрете то, кто они такие, нужно. Насчет Марисанты можно сказать, что она дочь какого-нибудь мелкого дворянина, который в поисках лучшей жизни приплыл сюда с континента. Но ему не повезло, и наши морские волки перехватили его судно, а с ним в качестве трофея им досталась и эта птичка. У нее как раз внешность не как у коренных жителей. Так что будет похоже на правду. Судно потопили, отца убили, а девчонку тебе продали, но ты, как истинная сердобольная женщина, – он усмехнулся, – принуждать ее не стала, а дала право выбирать – с кем и когда. В общем, легенду сочинишь сама. Ты лучше меня знаешь, какие истории легче всего въедаются в мужской мозг.

– Допустим, – пожала плечами Ралиса. – А с этой что? – кивнула на Мари.

– А эту спрячь так, чтобы и черт не мог ее найти, не то, что ее подруга, – сурово посмотрел на меня. – И обеспечь ей нормальную жизнь до того самого времени, пока я не приду за ней, чтобы вернуть домой. Если же эта взбрыкивать будет, то тогда обе – на твое усмотрение, – безразлично пожал плечами. – Забирай их со всеми потрохами и пусть учатся пошире ноги раздвигать, да поглубже член заглатывать. Эксклюзив в виде благородных ведьм с соседнего ковена будет пользоваться успехом, уж поверь мне.

– Хатэр, прекрати. Все и так все поняли, – осуждающе

проговорила Ралиса, явно видя нашу с Мари реакцию на его слова.

– А если я расскажу все вашему брату? – я прищурила глаза, глядя на мужчину.

– Расскажешь? Ну попробуй, – пожал он плечами. – Только беду навлечешь на себя. Вот увидишь. Не веришь? Проверь. Мне не жалко. Жаль только потраченного впустую времени на сохранение ваших жизней, которые и яйца выеденного для меня не стоят, не будь ты эмпатом, зеленоглазая. Что до меня. Мне не привыкать воевать с братом. Мне от этого ни холодно, ни жарко. А вот тебе будет потом ох как жарко, ибо последствия для тебя будут сродни адскому пламени. Неверное решение будет чревато, птичка моя, уж поверь мне. Никто не защитит, если ты против меня пойдешь, – протянул убийственно-спокойным тоном, но в нем было столько угрозы, что я поежилась. – А так. Выполнишь то, что мне нужно – и свобода. И тебе, и твоей подружке. Даю слово. Я добрый только до тех пор, пока меня слушаются. Запомни это. А теперь мне пора. Корсак уже опустошил свои яйца, скорее всего, не нужно заставлять его ждать и задаваться вопросом почему я так долго торгуюсь здесь. Если что, скажешь, что заплатила за девок сотню золотых, – кинул Ралисе и направился к выходу. – И я вполне серьезно обо всем сказал, красавицы мои, – обернулся у двери, смерив нас суровым взглядом. – Я фон Самар. И я не прощаю промашек. Делайте все, как сказал. Иначе увидите, что вполне челове-

ческие поступки я могу с успехом заменить на дьявольские.

– А если у меня не получится? – в отчаянии бросила я.

– Не получится? А ты сделай все, чтобы получилось. Это вопрос непосредственно твоей жизни и смерти, – предостерегающе протянул он, сделав ударение на слове «твоей», и вышел из комнаты.

Когда за ним закрылась дверь, мадам Ралиса подошла к столу и нервно забарабанила по его крышке пальцами, едва слышно пробормотав себе под нос:

– Черт меня дернул в свое время попасть тебе на крючок, Хатэр, – затем посмотрела на нас с Мари и проговорила: – Пойдемте, отведу вас в комнату. Пока побудете там, а к вечеру я решу, как все лучше организовать.

Когда мы вышли из кабинета, я проговорила шепотом, видя, что и этой женщине все происходящее не нравится:

– Отпустите нас. Наши родители очень богаты. Я так вообще единственный ребенок и наследница. Вы представляете себе, сколько денег заплатит мой отец за то, что вы вернете меня ему в целости и сохранности!

Мадам Ралиса окинула меня насмешливым взглядом и ответила ровным тоном:

– Милая моя. Будь на месте Хатэра кто-то другой, я бы сделала так, как ты и говоришь. Но требует он, а значит следовать его требованию я обязана. Иметь в числе врагов младшего фон Самара в мои планы не входит. Деньги деньгами, а жизнь моя мне дороже.

Сказав это, она открыла дверь и впустила нас в красиво обставленную комнату, в которой витал едва уловимый запах розового масла.

– Но вы же понимаете, что сделать то, что он хочет, может и не получится! – воскликнула я. – Заинтересовать так, чтобы попасть в особняк мужчины, который, как я поняла, очень и очень недолюбливает ведьм. Это ж как надо его заинтересовать? Да я понятия не имею, как вообще мужчину привлечь, если он на тебя даже не смотрит! А если он захочет...? Бог мой, даже думать о таком не хочу! Отпустите, прошу вас!

– Так, не причитай! – махнула на меня рукой мадам Ралиса. – С тобой Ронмарк не сделает ничего, чего ты сама ему не разрешишь. Уж я-то знаю это.

– Откуда вы можете знать это? – возразила я.

– Милая моя, я знаю подноготную каждого проходящего сюда мужчины. Ты лучше переживай о том, как привлечь его внимание, а не о том, чего так боишься. Поскольку первое из ряда практически невоплотимого в жизнь. Я вообще не представляю себе, как повернуть все то, о чем просит Хат-эрворд. Да и что потом... Ох, – она закрыла глаза и провела пальцами по переносице.

– Давайте расскажем этому Ронмарку, что задумал его брат, – я подошла к женщине и ухватила ее за руки. – Он в благодарность за такой наш поступок вернет меня и Мари родным. Да и вас не тронет.

Женщина так странно на меня посмотрела, затем отошла к окну. Обхватив себя руками, она с минуту молчала, затем повернулась ко мне и проговорила:

– Я в такой узел завязана с Хатэрвордом, что ты себе и не представляешь, милая. Не будь это так, меня бы и под страхом смерти не заставили бы идти на такое. Способствовать воровству у самого мертвого волка... Но у меня нет выбора. Как его нет и у тебя. Поэтому давай попытаемся сделать так, как он просит, а далее будем уповать на то, что он сдержит слово и гнев его брата-дьявола обрушится на его голову, а не на наши. Ты и твоя подружка вернетесь домой, а я буду вычеркнута из долговой книжки это чертового ведьмака, будь он неладен. Сделаешь – и домой, девочка. Домой, – она подошла ко мне и почти ласково тронула пальцами мою щеку, отчего я дернулась, словно ужаленная этим прикосновением.

Услышав эти слова, Мари хмыкнула, окинув презрительным взглядом мадам Ралису, но ничего не сказала, только подошла к кровати и устало опустилась на нее, закрыв глаза. Мадам Ралиса же посмотрела на меня пристальным взглядом и добавила полушепотом:

– И не вздумай выкинуть что-либо этакое. Враз пожалеешь об этом. Повоевать за внимание герцога фон Самара придется, конечно, и это дело не из простых. Но зато потом и с меня долг спишется, и вы минуете горьких последствий пребывания в лапах лиги наемников. Вы обе живы, Хатэр

не продал вас мне, хотя вполне себе мог поступить так. Так что радуйтесь. Все остальное решаемо. Сейчас отдохните, а я пришлю к вам служанку. Она принесет вам поесть. А ближе к вечеру я позову тебя к себе. Нужно будет поговорить с девушкой, к которой ходит Ронмарк. Она уж точно расскажет много чего нужного нам.

Сказав это, она вышла за дверь и по скрежету ключа в замке я поняла, что она нас заперла.

– Стерва, – выругалась я и села подле Мари, которая, играя кончиками своих волос, отрешенно смотрела в потолок.

– Зря ты согласилась, – наконец произнесла она, переведя на меня взгляд. – Ты же понимаешь, что, если у тебя ничего не выйдет, то нас в итоге ждут стены этого ада? А если выйдет, то уже тебя лично будет ждать иной ад, в виде личности, носящей прозвище «мертвый волк». Отделаться от него будет не так просто, если он правда заинтересуется тобой, а ты у него в итоге стащишь что-то важное.

– Не труби в рог раньше времени, – отрезала строго я. – Нам главное сейчас не вляпаться во что похуже. А потом, это будет потом. Буду делать все, как скажет мадам Ралиса, а там посмотрим. Ты думаешь я прям безропотно все приняла? Черта с два. Я найду и то место, куда она тебя запроторит, спрятав от меня, и способ, как отсюда сбежать, прихватив и тебя. Главное, чтобы она поверила в то, что я на все согласна. А насчет того мужчины... может он окажется хорошим и в итоге я смогу попросить его о помощи. Сдаст-

ся мне, что защита и благодарность этого мертвого волка будет понадежнее, чем обещание Хатэрворда в том, что потом все будет хорошо. Мне только понять нужно, что это за личность и выбрать удачный момент, чтобы рассказать ему все. Мертвый волк... кто он такой? – я перевела вопросительный взгляд на Мари.

– Тебе что, никогда не рассказывали о мальчике, который вырос с погибшей сущностью волка внутри? – Мари удивленно приподняла брови и села на кровати, обхватив колени.

– Нет, – нахмурилась я. – Мама с папой очень и очень не любят волков и все те сказки, которые о них рассказывают. Поэтому басни местного клана в свое время миновали мои уши.

– Басни? – хмыкнула Мари, окинув меня странным взглядом. – Это не басни, а правда. Эту историю мне мой учитель по истории рассказывал, ведь семья фон Самар, как ни крути, является одной из сторон, участвовавших в перемирии. Именно Захара, сестра Арахана фон Самара, стала женой наместника Дарана, который прекратил многолетнее противостояние между нашим ковенем и этим кланом. Много лет назад, чтобы спасти жизнь маленькому мальчику, поскольку он был опален огнем этого самого Дарана, владеющего магией уничтожения, одна из наших представительниц, Амариса Белламир, применила свою магию, но в результате ее вмешательства погиб его волк, ну или как это правильно говорить в их случае, я не знаю. Поначалу мальчик рос вполне

себе обычным, пока не достиг юношеского возраста. Вот тут и началась в нем ломка в худшую сторону. Кутежи, игры в карты, охота на пленников, бесконечные какие-то разборки с обычными местными жителями герцогства, драки... в общем полный набор. Причем, во всем этот тогда еще совсем юный будущий герцог выбирал стезю жестокого разрешения ситуации. Если охотился на пленных, чем нередко промышляет их король, то жертва обязательно гибла, если ввязывался в драку, то заканчивалась она так же плачевно. Ну и все в том же духе. Когда дело дошло до дуэлей, которые запрещены среди лугару и которые именно он возродил, вот тут уже король обратился к его отцу, дабы тот принял меры. Тому не оставалось ничего другого, кроме как отправить своего наследника на войну в составе легиона, которым правил граф Варад, дядя этого самого Ронмарка. Личность тоже весьма и весьма незаурядная, как рассказывала мне моя мама. Вот он и взялся за своего племянника, просто в вены вливая ему дисциплину. Несколько лет так он был в рядах военных Варара, которые славились особой беспощадностью и, как поговаривают, именно благодаря им в итоге был взят принадлежащий фэйри остров, земли которого теперь поделили на куски между собой приближенные к королю лугару. Потом вернулся, когда отца уже не стало. Новый герцог фон Самар. Герцогство сразу в железную хватку взял, поскольку местные лорды за время болезни его отца распоясались донельзя. Мачеху сразу в ссылку за пределы своих земель и младшего

брата туда же. Недовольных же лордов на виселицу. Некоторым, как говорят, лично головы снес этот мертвый волк. А еще, говорят, что он обычными волками управлять может. Они словно за вожака его принимаю, встретить он где их в лесу. Стаю вокруг себя собрать может, и словно простые собаки они подле него. Ну и самое страшное – вроде бы как призраков вызывать может. Мертвых лугару. Жуть в общем. Это все, что я знаю из истории, рассказанной мне моим учителем.

– И что такого ужасного ты мне сейчас рассказала? – я непонимающе уставилась на Мари. – Среди лугару каждый второй такой. Особенно, если не из простых фермеров он, а занимает высокое положение в обществе. Чтобы сохранять его, они в ежовых рукавицах всех всегда держат. Мертвый волк... что такого страшного в этом прозвище? Ну а то, что обычные волки его слушают, значит так магия распорядилась. Только и всего. А призраки... байки может.

– Ну, не знаю, – пожала плечами Мари. – Говорят, что любить он не способен, а кто не способен любить, тот не может быть достойным звания лугару. Волки ведь одни из самых великолепных представителей той волчьей любви, о которой легенды слагают.

– Легенды? – хмыкнула я. – И этот бордель, случайно, не в подтверждение такой любви здесь построен? Любви, – покачала головой.

– Так имеется ведь ввиду не только любовь между муж-

чиной и женщиной, а любовь вообще. К народу своему, государству, обществу, устоям и обычаям. Всему в совокупности.

– Ну, я так думаю, что именно этот мертвый волк и доказал свою любовь на поле боя в рядах тех, кто принес победу лугару над фэйри.

– Не знаю даже, что и сказать, – развела руками Мари.

– Понятно, в общем. Мне кажется, к статусу мертвого волка такое отношение потому, что такое явление слишком редкое среди живых, а когда ты чего-то не понимаешь, то с опаской смотришь на него. Во всем остальном он такой же, как и все прочие лугару. Разве что обращаться не может. Ну может рассказы какие-то еще из легенд приплели и к нему. Вот и получилась искусственно возвращенная дьявольская личность, – улыбнулась я беспечно больше для того, чтобы успокоить Мари, а в глубине души пожившись от понимания того, что в каждой легенде была доля правды и что за личность этот мертвый волк мне еще предстояло узнать.

– Может ты и права, – ответила Мари, вновь улегшись на кровать. – В любом случае, надеяться на то, что он поможет нам, не стоит. Лучше давай сделаем упор на побег. Ты со своей стороны начнешь разведывать, как это лучше сделать, я со своей. Не думаю, что эта змея Ралиса будет уж слишком рьяно охранять меня. Где-то явно будет брешь и я смогу выбраться. Это будет лучшим решением. Нечего нам, ведьмам, делать здесь.

– Ты права, – улыбнулась я и, склонившись, поцеловала Мари в лоб. – Все будет хорошо. Мы выберемся отсюда. Обещаю тебе.

Мари едва уловимо улыбнулась, затем отвернулась к стене, давая понять, что больше говорить не хочет. Я же какое-то время смотрела на нее, пытаюсь сдержать слезы от понимания своей беспомощности в ситуации, сложившейся с ней, затем тоже подошла к еще одной кровати и, просто рухнув на нее, провалилась в крепкий сон.

Глава 4

– Мадмуазель Марисанта, встаем! – звонкий голос разбудил меня уже ближе к ночи.

Нехотя поднявшись на кровати, я бросила сонный взгляд на полненькую женщину невысокого роста, которая хлопотала подле столика, расставляя на нем тарелки с едой.

– Быстро, быстро, – командным тоном проворковала она, кивнув мне головой. – Мадам Ралиса приказала тебе прийти к ней через полчаса, а ты не только ничего не ела, а еще даже и не купалась. Быстро в ванную, – махнула на приоткрытую дверь в смежное помещение. – Воду тебе нагрела и все принадлежности приготовила. Платье тоже, – кивнула на красивый отделанный золотом наряд, который лежал на кровати, на которой должна была спать Мари.

– А где моя подруга? – воскликнула я, вскочив на ноги.

– Девушка уехала не более пары часов назад. Ты так сладко спала, что она решила не будить тебя, – улыбнулась женщина. – Ну что ты ресницами хлопаешь? Быстро в ванную!

Она подошла ко мне и просто силком втолкнула в помещение, где вкусно пахло розовым маслом и ванилью. Затем помогла мне стащить с себя тяжелое бархатное платье, которое было настолько грязным, что женщина скривилась и сразу же швырнула его на пол, как ненужную тряпку. Когда я забралась в ванную, в которой плавали лепестки роз, она

прочитала, явно увидев то, с каким недоумением я взяла в руки плавающий бутон:

– Красота должна купаться в красоте. Мадам Ралиса сказала, что ты особенная девочка. А особенные девочки нуждаются в особом уходе. Чтобы кожа была словно бархат, волосы как шелк. Чтобы ни один мужчина не мог устоять и возвращался к этой красоте, принося все больше и больше денег ее обладательнице, – сказав это, она залилась звонким смехом.

– Я не особенная девочка, – мне стало так противно от ее смеха, что я зло оборвала ее. – И вообще не девочка мадам Ралисы. У меня с ней иного рода дела.

– Конечно-конечно, птичка ты наша, – усмехнулась женщина. – Все так и есть. Не бери в голову мои слова. А теперь вылезай из ванной и вперед ужинать, – смыв мыло с моих волос, скомандовала она.

Когда я под села к столу, женщина встала позади меня и уже в полном молчании высушила полотенцем мои волосы. Когда же я отставила в сторону пустую тарелку, она поднесла мне платье и помогла надеть его. Платье было настолько же красивым, насколько и откровенным. Я даже замерла от ужаса, наблюдая за тем, как женщина шнурует корсет, в котором дышать было практически невозможно.

– Это форменное платье тех девочек, которые прислуживают господам в карточном зале, – нарушила тишину женщина. – Цвет белый – знак того, что ты не занимаешься здесь

тем, чем занимаются остальные, а это значит, что тебя нельзя тискать, шлепать, щипать, сажать к себе на колени, целовать и лапать. Ты просто здесь прислуживаешь и не более того.

– В этом прислуживаю? – с недоверием переспросила я, вытянув вперед ногу, которая тотчас же вынырнула из выскоченного разреза, представ во всей красе. – Да это же платье шлюхи из шлюх! – провела ладонью по сверхоткровенному декольте.

– Ну, моя милая, это развлекательное заведение высшего уровня. Здесь все должны быть услугой для глаз. Даже те, кто просто разносит вино или же наблюдает за игрой. Не смотри на меня так, – замахала руками. – Мадам Ралиса сама все тебе расскажет. А сейчас давай, быстро волосы и пару штрихов на лицо, чтобы картинка была полная.

Сказав это, она усадила меня к большому зеркалу и начала колдовать сначала над прической, затем над макияжем. Когда же приклеила, как последний штрих, мушку над губой, то с довольным видом уперла руки в бока, проговорив при этом:

– Да, что не говори, а ведьмы больше всех подходят на роль куртизанок.

– Ну спасибо! – воскликнула я, бросив на нее обиженный взгляд.

– Да не в обиду это говорю, отнюдь, – хмыкнула она, окинув меня взглядом. – Просто в вас есть какая-то особая чертовщинка, которую так любят мужчины. Этакие зеленогла-

ые бестии. Ты посмотри только на себя, – она склонилась ко мне и кивнула на отражение в зеркале. – Бровь приподними, губы чуть надуй, глаза сощурь, а потом прикуси губку, тряхни своими медными локонами и все, волк лижет твои руки. Ох, жаль, что ты не наша девочка, Марисанта, разбогатели бы мы на тебе еще больше, ох разбогатели бы. Может подумаешь над этим? Ведьм у нас раз, два и обчелся, а наши волки любят вас. Ладно, шучу, – засмеялась, увидев, что я злобно нахмурила брови, едва сдерживаясь, чтобы не высказать все, что думаю насчет всего этого. – Пойдем, а то мадам Ралиса выговаривать будет, что я так долго красоту твою ваяю.

Она направилась к выходу, я же последовала следом за ней, моля высшие силы о том, чтобы как-то пережить этот позор без последствий и как можно быстрее выбраться из этого страшного места. Когда мы миновали коридор и подошли к кабинету мадам Ралисы, женщина подмигнула мне и открыла дверь, впуская внутрь. Переступив порог, я растерянно остановилась, увидев в помещении красивую молодую женщину, за спиной у которой переливались невероятной красоты крылья. Фэйри. Оххх, какими судьбами ее занесло в эту колыбель разврата, можно было только догадываться. Когда дверь за моей спиной захлопнулась, фэйри загасила сигаретку и, бросив мимолетный взгляд на сидящую за столом мадам Ралису, медленно подошла ко мне. Обойдя кругом, она, прищулив свои великолепные изумрудные глаза, провела пальцами по локону моих волос, затем по коже

предплечья и проговорила мягким бархатным голосом, обращаясь к мадам Ралисе:

– Недурна. Ох как недурна. Только...

– Что только? – враз недовольно процедила сквозь зубы та.

– Ведьма, – повела фэйри бровью и отошла к окну, затем сев на подоконник.

– Ну, это не спрячешь, Лия. Так что могла и не говорить. Лучше скажи, как ей подать себя так, чтобы он обратил на нее внимание.

Фэйри изогнула бровь, затем спросила ехидно:

– А зачем мне, чтобы он обращал на нее внимание? Благодаря тому, что герцог фон Самар является моим клиентом, я освобождена от обязанности ублажать кого-то еще. Зачем мне своими собственными руками ваять соперницу? – нахмурила брови и посмотрела с вызовом на мадам Ралису.

Глаза той сразу потемнели, и она гаркнула:

– Затем, что так приказала тебе я. Или ты забыла, откуда я тебя вытащила? Если забыла, так могу помочь вспомнить и вернуть тебя туда обратно! А если думаешь, что фон Самар тебя защитит, то глубоко ошибаешься. К шлюхам у него особое, равнодушное, – она сделала акцент на этом слове, – отношение. Пока ты ему не надоела, ты на особом счету, а как только он переключит внимание на кого еще – слетишь с пьедестала на раз и два. А он переключит. Не на эту, – кивнула на меня, – так еще на какую другую. В твоих интересах,

моя дорогая, быть в фаворе прежде всего у меня, а не у фон Самара. Так что оставь свой этот тон королевы и говори, когда я у тебя что-то спрашиваю!

Фэйри враз присмирела и уже более покладистым голосом проворковала:

– Не знаю даже, что и сказать, – она вновь подошла ко мне и, скрестив руки, окинула с головы до ног изучающим взглядом. – Ну, начну с того, что он не любит высокомерия, наигранности, жеманства. Всего, чем славятся эти аристократки чертовы. Поэтому, нужно быть по максимуму собой. Что думаешь, то и говоришь. Хочешь смеяться – смеешься. Обижаться? Пожалуйста. На него это не действует, но тем не менее. Нужно быть живой, понимаешь? – спросила у меня, и я лишь кивнула ей в ответ. – Еще он любит, когда женщина живет не только побрякушками и нарядами, а еще и сама кое-что из себя представляет. Вот я, например, увлекаюсь астрономией. Много читаю и знаю, о чем с ним поговорить в те минуты, когда мой рот не занят его членом, – сказала и рассмеялась, едва только я скривилась, услышав эту реплику. – Не бери в голову. Это я так, чтобы позлить тебя, – легонько стукнула меня по плечу ладонью. – Вот что тебе интересно? Чем ты увлекаешься? Не знаю, правда, какие темы могут быть общими у столь молоденького создания с таким, как Ронмарк, но, тем не менее.

Подумав, я проговорила:

– Увлекаюсь лошадьми. Скачками. Картами, – добавила

неуверенно, зная, что за такое в нашем обществе меня бы заплевали, но Тириз любила играть и сама, и меня учила. – Читаю много, но в основном это история или стихи. Еще стрелять люблю. На охоту отец часто брал меня дома. Я ведь одна у него, поэтому мне перепали и такие, исключительно мужские развлечения. Вот, собственно, и все, – растерянно развела руками.

– Недурно, – присвистнула фэйри, рассмеявшись и посмотрев на мадам Ралису. – Кони, карты, стрельба, охота. Пряма настоящая падшая леди. Интересно, норова в тебе сколько? – она рассмеялась и сощурила глаза. – Если ты соответствуешь тому, что тебе нравится, то вполне может быть и советовать тебе ничего не придется. Ронмарк не любит слащавых дур-девственниц, которые хлопают ресничками, испуганно глядя на мужчину, словно на какое-то божество. Его может заинтересовать только дерзкая, смелая красавица, не отводящая взгляд даже в тот момент, когда кажется, что все, секунда – и он тебя удавит за неповиновение. Такая ты? – закусила губку и склонила голову, наблюдая за мной.

– Не знаю, – пожала я плечами. – Мне трудно судить о себе.

– Ну да ладно, по глазам видно, что к кротким овечкам ты не относишься, – усмехнулась она. – Это все хорошо, но она ведьма, Ралиса, она ведьма! – протянула и повернулась к столу. – А он их на дух не переносит. Так что какой бы она идеальной не была, Ронмарк на нее даже не взглянет.

Мало того, вот ты нарядила ее в платье для служанок, а ты забыла, что карточный стол, за которым он играет всегда, запрещено обслуживать ведьмам? Или что-то изменилось, и я об этом не знаю? – она присела на край стола и с интересом посмотрела на мадам Ралису.

– Ничего не изменилось, – нехотя ответила она. – Но мне нужно, чтобы она не просто так попалась ему на глаза и как-то это все вошло в нужную мне колею.

Фэйри выдохнула протяжно, затем скрестила руки на груди и, подумав, проговорила:

– Так посади ее за рояль. Пусть играет. Играть умеешь? – кивнула мне.

– Умею, – пожала я плечами.

– Идеально?

– Ну да, – растерянно ответила я, уже даже сомневаясь в этом.

– Поешь?

– Пою, – ответила я.

– Вот тебе и решение, – улыбнулась фэйри, подмигнув Ралисе. – Ронмарк любит музыку и красивое пение. Она девочка новая, трудно будет не обратить на нее внимание. А дальше уже потом будем думать.

– Хорошо, так и сделаем, – проговорила мадам Ралиса, вставая из-за стола. – Пойду отдам распоряжение, а вы тут поболтайте немного. Может что-то еще ей расскажешь.

С этими словами она направилась к выходу. Когда дверь

за ней закрылась, фэйри вдруг посерьезнела и спросила:

– На кой черт она хочет подложить тебя под него?

– Мне не велено это обсуждать, – нехотя ответила я.

– Если во что втягивает нехорошее, лучше беги отсюда, детка, – покачала головой фэйри. – Такого, как Ронмарк фон Самар, не проведешь. Он за версту чует даже малейший подвох. Мне даже кажется иногда, что волк не умер в нем, а сплелся в одно целое с его человеческой стороной, настолько это проницательный и умный мужчина. Таких по пальцам пересчитать можно. Не думаю, конечно, что Ралиса настолько глупа, чтобы вытворить нечто этакое. Но все равно. Если вдруг что нехорошее замыслили, лучше беги, не то потом поздно будет.

– Ничего плохого никто сделать не хочет, – как можно более спокойным тоном ответила я, в ужасе пытаюсь сочинить что-то более-менее правдоподобное. – Просто мы договорились с мадам Ралисой о том, что, если она хорошо пристроит меня в вашем клане, я хорошо вознагражу ее, когда крепко встану на ноги подле своего покровителя. Она предложила попробовать мне обратить на себя внимание герцога. Он же один из самых богатых и влиятельных личностей в клане. Почему бы и нет? Только и всего.

– На содержание значит хочешь уйти? – сощурила глаза фэйри. – Умно. Если девственница, то может и выгорит дело. Он шлюху, меж ног которой побывал батальон, никогда не выведет в статус постоянной любовницы. Есть только про-

блемка. Постоянная любовница у него уже есть.

– Ну и что, – пожала я плечами. – Любовница – не жена. Сегодня есть, а завтра нет, – с умным видом процитировала я слова своей теки и повела бровью.

Фэйри всего мгновение смотрела на меня молча, затем расхохоталась, проговорив при этом:

– Ты мне нравишься, детка! Теперь у меня прям свой интерес разыгрался во всем этом. Подвинуть с пьедестала волчицу, а на ее место поставить ведьму? Задача еще та, но почему бы не попробовать? Все разбавлю рутину эту жизненную. Ладно, что хочешь знать о нем? Расскажу все по максимуму. Ничего не утаю.

– Не знаю даже, – нахмурила я лоб. – Почему он не женат?

– Ну, на этот вопрос даже я не знаю, что ответить. Сама в свое время задавалась им. Может не зацепил его еще никто так, чтобы дело дошло до алтаря, а может...да кто его знает. К нему все с опаской относятся. Папаши, мамыши невест на выданье – это из разряда и хочется, и колется. Самар до жути богатое герцогство, стать герцогиней – это как манна небесная в отношении денег и положения в обществе, я уже молчу про двор короля, ведь наш молодой венценосец просто души не чает в Ронмарке. Молод, зелен, а тут вдруг такой властный подданный – пример еще тот для того, кто только учится держать в узде клан. В общем, денег хотят все, а в плане зятя с прозвищем «мертвый волк», вот тут и загвоздка. Нет, если он выберет, то любую отдадут за него, но мне

кажется, что его тяготит это все. Он хочет, чтобы в нем видели не мертвого волка, некую легендарную придуманную жестокую личность, а того, кто он есть на самом деле. А кто он есть на самом деле? Никто сказать не может толком. Мне кажется, он и сам себя не знает настолько хорошо, чтобы не слушать у себя за спиной шепот тех, кто его боится. Как-то так, – развела она руками и замолчала.

– Ясно, – протянула я, понимая, что мне абсолютно ничего не ясно и что будет дальше – покрыто мраком. – А почему ведьм так ненавидит? – зыркнула из-под лба на фэйри, которая снова закурила сигаретку и выдохнула густой клубок дыма из носа.

– Ну, не ненавидит, – уточнила она. – А недолюбливает. Или же презирает. Всех нюансов не знаю. Обмолвился он как-то был, что это из-за мачехи его. Но я углубляться в эту историю не стала. Мне оно не надо. Хотя, странно, если честно. В нашем клане до сих пор сказки рассказывают о нетленной красавице-жене Арахана фон Самара, который не вернул ее телу дух волка, так и похоронив в человеческом облике только потому, что не смог убить ведьму, Амарису Белламир, в теле которой и обрел свою новую жизнь этот дух. Арахан и Амариса, вопреки всем законам магий лугару и самих ведьм, в итоге сплели свои жизни в одну, подарив этому клану легендарную сказку о том, как любовь умеет творить чудеса, умиротворяя жестокое, вплетая в него прекрасное.

– Если они так любили друг друга, почему тогда сын Ара-

хана, этот Ронмарк, так не приемлет ведьм?

– Не знаю. Сказок много рассказывают, но их вряд ли стоит принимать за чистую монету, – изогнула брови фэйри. – Если кто и может ответить на этот вопрос, так это или сам Рон, или же Амариса. Живет она, кстати, на купленных Араханом у графа Варада землях. Пара дней езды от столицы. Так что, если уж очень интересно станет, можешь к ней съездить. Она, как говорят, очень хорошая. Не чета ни пасынку, ни своему собственному сыну, который демон еще тот вырос. Учился в лучшей академии для темных на континенте, а когда вернулся сюда, то в шайку наемников подался. Не шайка, конечно, а целый старинный легион несущих смерть, но все же. Отец в гробу переворачивается, ей богу, видя с небес то, кем стал младший сын. Один – мертвый волк, второй – несущий смерть. Семейка еще та. Так что ты сто раз подумай, нужно ли тебе все это. Такой, как Ронмарк, если проникнется к тебе, оxxx, потом и захочешь – не отвяжешься.

– Буду иметь ввиду, – натянуто проговорила я, а затем, подумав, спросила: – Отсюда девушка одна вышла пару часов назад. Не знаешь, куда ее мадам Ралиса отправила?

– Это та, с которой тебя с корабля пираты наши сняли? – прищурила глаза фэйри и мне стало понятно, что рассказы мадам Ралисы уже всю гуляют по борделю.

– Да, она самая.

– Не знаю, – пожала плечами фэйри. – Может продала ко-

му. Видела только, что ее в экипаж посадили и все.

– Ладно, и на том спасибо, – улыбнулась я как можно более беспечно.

– Да, и еще, – помедлив, проговорила фэйри. – Не знаю, как воспримет тебя Ронмарк и получится ли вообще у тебя что-то из того, что ты хочешь, но мой тебе совет – посмотри, посмотри, а потом лучше переключи свое внимание на кого-то из других посетителей этого заведения. Здесь очень много достойных личностей. Может не таких богатых, как фон Самар, но деньги ведь не все, девочка. Говорю тебе не потому, что не хочу, якобы, чтобы ты меня подвинула, нет. Просто ты такой еще ребенок, а в свете того, кто ты, как бы он не сломал тебя и не погасил этот свет веры в твоих глаза. Потому что, если он погаснет, зажечь его ох как будет трудно, Марисанта. И, если нужна будет помощь, – она перешла на едва слышимый шепот, подойдя ко мне ближе, – ты только скажи мне, я помогу. Лапы Ралисы может и цепки, но не вездесущи. Если тебя сюда продали, это не значит, что отсюда выхода нет. Не место тебе здесь, девочка, ох, не место, ровно как и подле Ронмарка.

Когда она замолчала, я настороженно окинула ее взглядом, поскольку вот вроде бы и услышала то, что мне нужно было, но что-то в сверкающих недобрым светом глазах этой красавицы явно настораживало. Тряхнув волосами, я отмахнулась от дурных мыслей и лишь с благодарностью кивнула. В этот момент в кабинет вернулась мадам Ралиса. Хлопнув

в ладоши, она проговорила:

– Лия, быстро в зал. Ронмарк уже там. А ты иди за мной. Через пять минут наша музыкантша встанет из-за рояля, и ты займешь ее место.

Фэйри быстро выбежала в коридор, я же направилась следом за мадам Ралисой. Когда мы подошли к огромным дверям, сквозь причудливые стекла которых были видны силуэты мужчин и женщин, мадам Ралиса ухватила меня за руку и, сдавив, проговорила тихо:

– Не вздумай меня подвести, девочка. Мне нужно выйти из статуса должницы Хатэрворда, и я сделаю все, чтобы этого добиться. Надо будет – удавлю твою Мари и глазом не моргну. Так что прежде чем искать тут помощи, лучше тысячу раз подумай, поняла?

– Поняла, – огрызнулась я, выдернув свою руку из ее цепкой хватки. – Хватит меня запугивать. Надоело уже. Лучше помогайте. Ведите, показывайте своего мертвого волка.

Мадам Ралиса сразу же улыбнулась и пропустила меня внутрь огромного зала, пропитанного терпким запахом табака, каких-то заморских пряностей и сладковатых духов. Подведя меня к огромному растению, которое стояло в дальнем углу подле самого рояля, она кивнула на столик около огромного окна.

– Ронмарк сидит спиной к нам. Напротив него Лия. Потом рассмотришь его. А сейчас играй, – подтолкнула меня к музыкальному инструменту, из-за которого встала красивая

молоденькая девушка. – Играй так, словно это твоя последняя мелодия, девочка.

– Почему словно? В свете всего происходящего так оно и есть, – буркнула я себе под нос и села на округлый стульчик.

Рояль. Скорее недруг, чем друг. Прихоть больше мамы, нежели отца, однако выполнила я ее не отлично, заучив на зубок едва ли не все мелодии, которые были в моде в нашем ковене. Посмотрев на черно-белое полотно, я на мгновение сжала трясущиеся пальцы в кулаки, пытаюсь сохранить самообладание и собраться с духом. Бросив беглый взгляд на заветный столик, увидела, как напряженно наблюдает за мной фэйри Лия. Когда ее взгляд встретился с моим, она приободряюще улыбнулась, и я опустила свои пальцы на клавиши, на мгновение закрыв глаза, как то часто проделывала, зубря мелодию по настоянию мамы. Мелодия полилась чисто, непринужденно, идеально. Инструмент словно и ждал все это время меня, настолько свободно я чувствовала себя, пробегая пальцами по его рождающей прекрасное дорожке. Только вот каждая нота словно вводила меня в транс ужаса и безысходности, словно прогоняя тот ступор, который держал меня все это время в относительном спокойствии. Беда..беда..беда...словно пел рояль, несмотря на довольно-таки легкую мелодию.

– Ралиса, у тебя новая девочка? – послышалось из зала, заставив меня напрячься.

– Да, юное одаренное создание, – ответила довольно-таки

громко она. – Красивая, нежная, скромная, невинная, – сделала ударение на этом слове.

– Сколько стоит ночь? – прозвучал еще один голос, заставивший меня скрипнуть зубами от страха.

– Не продается, ваше сиятельство, – елейным тоном прозвучал ответ мадам Ралисы. – Девочка в белом, а это сами знаете, что значит.

Из зала сыпались и сыпались какие-то реплики, на которые я уже даже не обращала внимание, судорожно доводя мелодию до финала. Противно – не то слово. Словно насмешка этот дарующий красоту инструмент, находящийся в таком пропитанном пошлостью месте. Не поднимая глаз, я закончила одно произведение и закусил губу. Затем перевела взгляд на столик, где сидела Лия и тот мужчина, которого, казалось, абсолютно ничего не интересовало вокруг. Была лишь игра в карты с партнером напротив, да непринужденная беседа.

– Спой что-нибудь, – с показной улыбкой прошипела мне мадам Ралиса, подойдя к роялю.

– Спеть? – проговорила я, судорожно пытаюсь сообразить, что же такое сделать, чтобы он обратил внимание именно на меня, да не только обратил, а в мозгу своем запечатлел. – Если я спою и сыграю одно очень старое произведение, являющееся по легенде ритуальной песней умирающего зверя, вы меня не убьете? – прищурила глаза. – Я сама ее выучила, найдя в старых нотных тетрадях прежних владельцев особ-

няка, в который мы переехали. Маме она не нравилась, но к сложившейся ситуации уж очень подходит.

– Ну играй, – неуверенно пожала плечами женщина. – Если что, будешь расхлебывать сама.

– Хорошо, – натянуто ответила я и, выдохнув, положила пальцы на клавиши.

Первые пару куплетов я пела довольно-таки свободно, и никто особо не обращал внимание на льющуюся из моих уст историю, но когда перешла к последнему, в котором говорилось о мертвой душе темного зверя, бродящей и по наши дни среди голых деревьев древнего леса в поисках себя, вот тут-то я и поняла, что старинная ведьмовская песенка-то была словно огонек для пороха. В зале вдруг все замолчали и с опаской посмотрели друг на друга. Один из мужчин с недовольным видом подозвал к себе мадам Ралису и зло кивнул на меня. Сидящая же за столиком Лия выпрямилась и стала белее полотна, в ужасе переводя взгляд с своего клиента на меня. Мужчина же, который и был моей головной болью в данный момент, развел свои широкие плечи и на мгновение замер. Его партнер по картам, худощавый молодой мужчина лет тридцати, медленно отпил из бокала вино и что-то проговорил ему. В этот момент ко мне подлетела мадам Ралиса и прошипела:

– Заканчивай, дура!

Но песня и так уже закончилась, и я, сделав последний аккорд, убрала пальцы с инструмента. Тишина. Просто гробо-

вое безмолвие так отчетливо подчеркнуло то, что цель моя достигнута и мужчина уж точно явно задет за самую душу, я бы сказала. Обреченно выдохнув, бросила взгляд на мадам Ралису, которая тут же зачирикала, обращаясь к присутствующим:

– Девочка молоденькая, господа. Откуда ей было знать, что эту древнюю песню, которую раньше пели ведьмы, принося в жертву волков, исполнять нельзя! Она...

– Ведьма, – прозвучал стальной голос, и мужчина поднялся со стула, повернувшись в мою сторону.

Большого ужаса я в жизни не испытывала точно, чем тот, который почувствовала в момент, когда мои глаза скрестились взглядом с его, казалось, с каждой секундой темнеющими глазами цвета графита. Высокий, под два метра ростом, этот красавец, нареченный мертвым волком, точно не просто так вселял ужас в тех, кто знал его. Чего стоил только грозный взгляд, казалось, лишенных каких-либо мирных эмоций глаз, обрамленных длинными ресницами. Чувственные губы, едва сдерживающие злой оскал, порожденный моим поступком... Широкие черные демонические брови вразлет... Точеные черты лица истинного аристократа-волка, только явно несущие на себе отпечаток долгого хождения по краю за время пребывания в рядах того легиона, о котором говорила Мари... Белый шейный платок, оттеняющий слегка бронзовую кожу на могучей шее... Широкий разворот сильных плеч... Мощный торс и длинные, мускули-

стые ноги, обтянутые черными штанами, заправленными в высокие сапоги для верховой езды, которые издали какой-то зловещий стук, едва только он двинулся ко мне через весь зал. Грациозный, словно зверь, который шел к своей добыче.

Резко втянув воздух носом, я вздернула подбородок, всеми силами сдерживаясь, чтобы не убежать... Рядом... совсем рядом... бог мой... и эти глаза... темные... полные загадок, тайн и словно источающие какой-то особый свет, нет, не мрак, как то мне показалось сначала, а свет... властный, неумолимый, жесткий, словно выкованный где-то там, в глубине души, именуемой «мертвым волком». Когда он подошел совсем близко, я вдохнула невероятной глубины едва уловимый притягательный мужской запах... словно подсознание ощутило этот аромат, заставив меня замереть, признавая его превосходство. Альфа... сказала бы, но можно ли было его так называть в силу потери его зверя, я не знала. Глаза в глаза... глубокая мудрость, власть, непреклонность и еще море всего, чему не могла подобрать названия, увидела я в его мигающем молнии взоре.

– Милорд, я не нарочно, – прошептала тихо, когда он встал на расстоянии вытянутой руки от меня и окинул уничтожающим взглядом. – Мелодия мне лично просто нравится. Я не думала, что в песне идет речь о волках, – какое там не думала, знала на все сто, хоть там и слова не было произнесено об этом. – Я не нарочно, – облизнула губы, пытаюсь не отвести глаз от взирающего на меня демона. – Клянусь.

– А, по-моему, как раз нарочно, – бархатным голосом проговорил он, но в его тоне было столько холода, что я даже вздрогнула. – Кто такая? – рыкнул, смерив мадам Ралису суровым взглядом.

– Мое новое приобретение, ваша светлость, – елеяно промурлыкала она, но так выпрямила спину, что стало ясно, что боится она даже больше, чем я. – Ее зовут Марисанта.

– Марисанта, – его сверкающие глаза вновь вернулись ко мне. – Марисанта. В услужении? – кивнул на мое белое платье.

– Д..да, милорд, – Я едва смогла выдавить из себя улыбку. – Не шлюха, – почему-то добавила молниеносно и замолчала.

– Здесь все шлюхи. Настоящие или будущие, – спокойно ответил он. – Откуда песню знаешь? Из соседнего ковена сама?

– Нет, – сразу встряла в разговор мадам Ралиса. – Девочка с континента. Корабль ее отца наши взяли, отца убили, а ее сюда привезли. В силу того, что мы с ними опять на грани вражды, покупать пленниц король не запрещает.

– Да, не запрещает. Сирота значит? Некому выкупить отсюда? – вновь задал вопрос жестким тоном.

– Она... – пискнула было мадам Ралиса.

– Я хочу услышать от нее, – рыкнул он, заставив ее замолчать.

– Да, милорд, – ответила я, впившись пальцами в крышку

рояля так, что костяшки побелели. – Мадам очень добра ко мне, – выдавила улыбку, кивнув на стоящую подле меня Ралису. – Она не заставляет делать ничего из ряда вон выходящего. Я просто музицирую, пою или прислуживаю у столиков. У нас с ней договоренность. Со временем она отпустит меня. Она обещала.

– Я об этом не спрашивал, – отрезал он.

– Простите, – растерянно проговорила я, вскочив со стула и сделав реверанс, отчего моя обнаженная нога мелькнула в высоченном вырезе подола.

Покраснев, я быстро поправила ткань и вымученно посмотрела на возвышающегося надо мной мужчину.

– Невинная шлюха, да еще и в исполнении пленной ведьмы. Занятное зрелище, Ралиса, – обратился к владелице заведения. – Сколько стоит, чтобы девка из прислуги обслуживала столик в обнаженном виде?

– Двадцать золотых, – осторожно ответила она.

– Заплачу сто. Пусть обслуживает сегодня она, – перевел на меня спокойный убийственный взгляд. – За оскорбление надо платить, малышка, а песня как раз этим и была. Стаскивай свою одежду и иди к моему столу. Будешь прислуживать в чем мать родила.

– Ч... что? – воскликнула я, в ужасе посмотрев на мадам Ралису.

– Марисанта, тише, – строго оборвала меня она. – Делай, как он велит.

– Да черта с два! – прошипела я.

– Давай, крошка, раздевайся, – слышался смешок какого-то из мужчин. – Самар платит за зрелище баснословную сумму. Десять процентов твои. Здесь за месяц никто из девок ртом не зарабатывает столько, а тут за простое обслуживание и вдруг целое состояние.

– Марисанта, ты помнишь, о чем мы с тобой говорили? – строго рыкнула мадам Ралиса, едва только я открыла было рот, чтобы возмутиться.

– Нет, – затрясла я головой. – Только не это. Мы так не договаривались. Милорд, прошу вас, – сложила в мольбе ладони и посмотрела на мужчину. – Простите меня за эту песню. Клянусь всем святым, что не хотела ничего дурного!

– Я сказал, раздевайся и к моему столику. Живо! – рыкнул он.

– Лис, Фэнт, стащите с нее одежду, – уже недовольно бросила мадам Ралиса двум охранникам, которые с интересом наблюдали за происходящим. – Этого еще не хватало. Чтобы ты здесь мне весь порядок нарушила! – она первой взялась за завязку на плече моего платья.

– Не трогайте меня, – процедила я сквозь зубы, оттолкнув ее от себя, но в этот момент охранники схватили меня за руки, лишив всякой возможности сопротивляться.

Мадам Ралиса подошла ко мне и проговорила тихо:

– Это всего лишь нагота. Никто тебя не тронет. Успокойся.

Какое там. По моим щекам просто рекой потекли слезы, когда она потянула за шнуровку на моей груди. Еще секунда и красивое одеяние сползло бы на пол, но в этот момент прозвучало суровое:

– Достаточно.

Я непонимающе посмотрела на мужчину, давясь слезами. Мадам Ралиса сразу в недоумении убрала от меня руки.

Мужчина же подошел ко мне и проговорил недовольным тоном:

– Здесь нет договоренностей, девочка. Ралиса за деньги кожу с тебя живьем снимет. В этом месте просто музицировать, петь или прислуживать ты будешь до тех пор, пока кто-то не заплатит за тебя столько, что тебя без лишних вопросов привяжут к кровати и отдадут на растерзание. Говорю тебе для того, чтобы ты понимала, куда попала. Это первое. Второе – никогда не ври мне. Песню ты решила сама спеть и отлично знала, что это старинная ритуальная дрянь. Для чего решила? Мне не интересно. Но лучше больше не злить здесь никого и никогда. Особенно в стенах этого заведения и особенно меня. А теперь вытри слезы и марш к моему столу. Ведьма еще не прислуживала мне. Думаю, это особое удовольствие, – усмехнулся, видя то, как я вытерла зареванный нос и с произвольной благодарностью посмотрела на него, словно на спасителя.

Когда он вернулся за стол, а за рояль села другая девушка, наполнив помещение веселой мелодией, мадам Ралиса про-

тяжно выдохнула и едва слышно рявкнула:

– Не зыркай волком! Сама виновата! Не думала, что ты такое выкинешь. Не забудь поблагодарить его за доброту, – кивнула на мужчину. – Если бы не он, здесь бы с тобой вообще черт его знает что могли сделать! Так, быстро иди и встань подле него по правую сторону. Все что скажет – выполняй.

Я на негнущихся ногах пересекла зал и встала по правую сторону от стула, на котором сидел объект моих бед, не иначе. Лия едва уловимо неодобрительно покачала головой, и вновь посмотрела на карты.

– Играешь? – спустя какое-то время проговорил мужчина, повернувшись и смерив меня пристальным взглядом.

– Я? – моему удивлению не было предела, когда услышала этот вопрос. – Немного.

– Садись, – он кивнул на стул напротив него и, когда я неуверенно села, проговорил. – Лия, Марк, оставьте нас.

Фэйри удивленно моргнула, его же друг молча встал из-за стола и подал ей руку. Когда мы остались с ним за столом одни, он проговорил стальным тоном:

– Ты эмпат?

Я испуганно распахнула глаза, едва только услышала это. Проглотив комок в горле, ответила осторожно:

– Да. Откуда узнали?

– Удавить тебя хотел, пока шел к роялю. Но когда встал рядом, словно волна сошла. Такое влияние только эмпату

под силу. Была одна ведьма на службе у Варада, помогала нам в легионе слаживать со своей темной стороной, когда она уж совсем нас накрывала. Она была эмпат. Поэтому сразу понял.

– Ясно, – тихо ответила я, наблюдая за тем, как он ловко тасует карты. – Но я слабый эмпат. То, что произошло, это так, единичный случай. Непроизвольная реакция моей магии на угрозу.

– Все равно неплохо, – повел он бровью, сдавая карты. – Откуда знаешь песню?

– Я не хотела. Клянусь! Просто зла была, поэтому и сыграла. Не думала, что так среагируют все! – умоляющим голосом проговорила я.

– Опять уходишь от ответа, – сверкнул он графитом своих глаз на меня и вновь перевел взгляд на карты. – Ты же не здешняя, как то сказала Ралиса. Откуда тогда ты можешь знать песню местного ковена?

– Я..

– Не лги, сразу предупреждаю, – ровным тоном проговорил он. – Местная? Если да, то как сюда попала, да еще и напрямиком в ад?

– Все так, как и сказала мадам Ралиса, – проговорила я, борясь с желанием рассказать ему все и со страхом того, если он не захочет помогать, то тогда наши с Мари головы точно лягут на плаху. – Моя мачеха была из этого ковена. Поэтому мы и хотели обосноваться здесь. У нее была тетрадка старая

такая с нотами, вот по ней я и выучила эту песню, – чувствуя, что лицо заливают жаром от этой на ходу выдуманной лжи, я взяла со стола бокал вина и сделала судорожный глоток, затем быстро поставив его обратно, едва не пролив напиток на стол.

Мужчина проследил за моей неловкостью и сузил глаза, переводя на меня взгляд. Не поверил ни единому слову. Я это прям кожей почувствовала. Не поверил, но вида не подал.

– Хорошо играла, – после нескольких минут молчания, в течение которых мы лишь обменивались ходами в картах, проговорил он. – Так играть на рояле, как ты играла сейчас, может только девушка из благородной семьи, в воспитание которой вкладывали уйму времени и средств.

– Д...да обыкновенно играла, – проглотив комок в горле, тихо ответила я, чувствуя, что даже руки мои начинают едва уловимо подрагивать от перенапряжения.

– Не скажи, – он пристально посмотрел на меня. – И, кроме того, есть в тебе что-то, что характерно для здешних жителей, даже несмотря на то, что ты мало похожа на них. Манера держаться, акцент не слышен абсолютно. Приезжих сразу выделяет это. И так странно...ты мне очень напоминаешь одну особу, которую я некогда имел несчастье знать. Эта особа была из соседнего ковена.

– Может типаж просто один, – буркнула я, пожав плечами. – А что до акцента. Говорю же, мачеха из здешних мест

была. Вот и научила меня всему, – я зло зыркнула на него и бросила на стол карту. – Будь я здешняя, да еще из благородной семьи, неужели бы за меня никто не вступился? Неужели бы эта гадина Ралиса посмела бы удерживать меня здесь? Да и я здесь разнесла бы все, знай, что родные совсем рядом. Сидела бы я вот в борделе за одним столиком с мужчиной, теплись во мне надежда, что за мной придут? Да ни за что в жизни! У меня никого не осталось, вот поэтому я здесь. Умирать ведь не хочется, – солгала, мысленно прося прощение высшие силы за такие слова.

– Ясно, – медленно протянул он, сделав последний ход, оставив меня в проигрыше. Затем встал из-за стола и кивнул мадам Ралисе, которая стояла в стороне, готовая по первому его зову подбежать, словно собачонка. Когда она подошла к нам и слащаво улыбнулась, блеснув белоснежной улыбкой, мужчина проговорил, мельком бросив на меня взгляд: – Девчонка хорошее приобретение. Сколько стоит, чтобы ее никто не мог у тебя купить? Пока я не дам добро на это.

– Ваша светлость! Какие деньги! Вашего требования более чем достаточно, – мадам Ралиса испуганно захлопала ресницами и склонила голову, присев в реверансе.

– Мой поверенный привезет деньги, – не обратил он внимание на ее слова. – Приготовь завтра персональную комнату. И пусть обслуживает она, – кивнул на меня и направился к стоящей в стороне Лие, которая нервно обмахивалась вычурным веером, пристально наблюдая за происходящим.

Когда он и фэйри поднялись по резной лестнице, ведущей явно на этаж, где располагались комнаты для любовных игр, мадам Ралиса посмотрела на меня настороженным взглядом и проговорила почти шепотом:

– Бог мой! Ты зацепила его с первого вечера! Я о таком даже мечтать не могла! Он обычно на ведьм вообще не смотрит, а тут вдруг и за столик свой посадил, да еще и персональную приказал тебе обслуживать! Полдела сделано, девочка!

– Зацепила? – хмыкнула я. – Я взбесила его песней. Бог мой, какой же он...гад, скорее всего, – прощупала сквозь зубы, чувствуя, как под кожей бегут мурашки, ведь я нутром чуяла, что историйка выйдет еще та из всего этого, ведь мужчина был явно не простым смертным. От него так и веяло чем-то потусторонним, не иначе. А может это было навеяно рассказнями Мари. Я не знала.

– Да почему ж гад сразу! – она треснула меня по плечу сложенным веером. – Он деньги заплатит за то, чтобы ты неприкосновенная здесь была. И это при том, что ты не фаворитка его. Может, правда, Лию заменить хочет, а то, что ты ни с кем не была, он ведь чувствует, поэтому заранее и выкупил право первой ночи. Нет, я не толкаю тебя на это. Сама решай. Но...

– Да замолчите вы, – огрызнулась я, резко встав со стула. – Слушать вас прям тошно. Лучше скажите, что это за персональная комната?

Мадам Ралиса, помолчав мгновение, взяла меня под руку и медленно повела в сторону выхода из зала, шепча на ходу:

– Персональная комната – это небольшой отдельный зал, в котором отдыхают обычно те из наших клиентов, которые хотят уединения. Завтра воскресенье, а значит в гостях у меня будет сам король, – повела она бровью. – Поэтому, обслуживать эту комнату – самая ответственная и самая высокооплачиваемая работа в моем заведении. За ночь можно заработать до десяти золотых.

– Мне плевать на деньги, – отрезала я. – Главное, чтобы целой отсюда выбраться. Да и вообще побыстрее бы выбраться отсюда, – едва слышно прошипела себе под нос.

– Выберешься, – подмигнула мадам Ралиса, подтолкнув меня к выходу. – А сейчас иди к себе. Главное ты сделала. Привлекла его внимание к себе. На сегодня с тебя достаточно.

Выйдя из зала, я с невероятным облегчением выдохнула и поплелась в крыло, где для меня была выделена комнатка. Пройдя через холл, услышала льющуюся со второго этажа едва слышимую мелодию флейты и тонкий чарующий голос. Подобрав подол платья, я огляделась и быстро взбежала по ступеням. Звук воды вперемешку с невероятным звучанием словно манили меня. Вода? Откуда? Словно легкий шелест ручья. Нахмурившись, я прошла по пустынному коридору и остановилась подле приоткрытой двери в одну из комнат. Собравшись с духом, тихонько заглянула в щель.

– Проходи, Марисанта, – прозвучал в этот момент мелодичный голосок, заставив меня испуганно подпрыгнуть. – Бояться не надо.

Осторожно толкнув дверь, я переступила порог и замерла от увиденного. Посреди огромной комнаты был сооружен фонтан округлой формы, на каменном бортике которого сидела красивая девушка в прозрачном одеянии и держала в руках флейту. Едва только я оказалась внутри, она улыбнулась, и тряхнула густой копной длинных светлых волос, свесив их концы в воду.

– Никса? – настороженно спросила я, увидев между длинных пальцев девушки перепонки.

– Она самая, – хихикнула красавица, поманив меня пальцем к себе. – Не бойся. Подойди.

– Как ты тут оказалась? – нахмурившись, я сделала пару шагов к ней и остановилась, с опаской окинув фонтанчик, который с виду был похож на малюсенькое озерцо, в котором плавали невероятной красоты кувшинки.

Никса улыбнулась печальной улыбкой и вытянула вперед красивые ноги, на которых сверкали прозрачные туфельки.

– У Никсы больше нет хвоста. Поэтому она не может жить в реке или озере. За любовь к земному ее прокляли родные. Когда он умер, Никса осталась одна. Но мы не земные жители и сами по себе существовать не можем. Да и гонимы везде, ведь не неба служители мы, а подземной силы, по поверьям ваших народов. Когда погибающая Никса постучала в

двери этого особняка, добрейшей души женщина разрешила ей остаться здесь. Даже придумала для Никсы такой вот мирок, без которого она жить не может, – девушка запустила в воду ладонь и ласково всколыхнула ее. – Теперь это дом Никсы. Ралиса добра к ней, Никса платит тем же, впуская в свою обитель тех, кто хочет увидеть нечто, что глаз увидеть не может, – в странной манере говорить о себе в третьем лице, проговорила она и перешла на шепот. – Что хочет увидеть Марисанта? Подойди. Платы не возьму, – поманила она к себе и опустила ноги в воду.

– Ничего не хочу увидеть, – пожалала я плечами.

– Так не бывает. Разум говорит, а потаенное знает лучше. Присядь, – похлопала по бортику фонтана. – Это не страшно. Где еще ты сможешь заглянуть в глубину своей темной стороны души?

– У меня нет темной стороны, – отчеканила я, но на бортик все же села и, скинув туфли, опустила ноги в воду.

– Она есть у всех, – промурлыкала Никса, придвинувшись ко мне ближе и вырвав из моих волос волосинку, которую тотчас же бросила в воду, которая сразу потемнела, а затем стала подобна серебру.

– Словно зеркало, – уже с интересом проговорила я, бросив мимолетный взгляд на Никсу.

– Смотри, – прошептала она мне на ухо, положив на плечо руку и едва уловимо сжав его. – Смотри, Марисанта.

Едва только она это проговорила, моя голова стала слов-

но наливаясь свинцом. Руки, ноги перестали слушаться, но меня это почему-то не испугало, а наоборот, породило где-то в глубине моего тела какой-то чарующий интерес, словно и правда в этот момент именно темный уголок моего подсознания отчаянно хотел увидеть то, о чем сознание и понятия не имело.

Какое-то время на серебряной глади воды были видны лишь едва уловимые волны, затем они начали сглаживаться и когда исчезли совсем, я словно воочию увидела две фигуры в какой-то комнате. Мужчину и женщину. Он сидел на диванчике, вытянув ноги и откинувшись назад, она же стояла на коленях между ними, обнаженная, и ритмично склонялась к его паху, издавая какие-то хлюпающие звуки. Словно сквозь туман в мое сознание пробралась интуитивная догадка, кто был этот мужчина, а когда он поднял голову и посмотрел на женщину, я издала приглушенный возглас. Ронмарк фон Самар... и фэйри, ублажающая его ртом. Попытавшись закрыть глаза, я дернулась, стараясь прервать это видение, но Никса прошептала мне на ухо:

– То, что хочет видеть тьма, насильно прерывать нельзя. Это не просто видение. Оно дает подсказки и предупреждает. Смотри, Марисанта, и запоминай даже малейшие детали. Смотри, – прошелестел ее шепот, и я успокоилась.

Дрожь пробежала по моей спине, когда мужчина зарылся пальцами в волосы женщины и, зарывав, заставил ее заглотить его член глубже. Потаенное? Не то слово. Отноше-

ния мужчины и женщины не были секретом за семью печатями, и я теоретически знала, что происходит в такие моменты, поскольку одна из моих служанок ох как любила рассказывать в мельчайших подробностях о своих развлечениях с молодым конюхом моего отца. Но то, что я видела, было иным. Темным. Это не были рассказы хохотушки-служанки. Это была реальность, которую мне показывал подлый водяной дух. Подлый ли или я правда хотела увидеть это? Пока я не желала об этом знать, закусив губу наблюдая за тем, как великолепное обнаженное тело мужчины мелко подрагивает... каждая его мускула словно играет под кожей... глаза сверкают... а на губах играет довольный хищный оскал в тот момент, когда Лия проводит языком по его огромной плоти и с наслаждением заглатывает настолько, насколько это возможно при таком размере. Проклятье, на такое было невозможно смотреть, не реагируя и я почувствовала, как внизу живота начало нарастать какое-то до этого никогда не возникающее томящее чувство. Казалось, будто кровь там закипает, превращаясь в жгучую лаву, которая начинает ядовитым потоком расползаться по всему телу, заставляя покрываться мурашками.

– Иди сюда, – поднявшись на ноги, рыкнул мужчина, грубо рванув Лию к себе, а затем, развернув спиной, подтолкнул к дивану, заставив ее встать на него коленями.

– Рон! – взвизгнула она, когда он жестко овладел ею, издав протяжный стон.

– Молчи, – низким, недовольным тоном бросил он, дернув ее к себе за волосы. – Ты получаешь деньги не за нежности. Мне нужно другое.

Рывок, и он зарычал, одной рукой сдавив бедро Лии, а второй с силой натянув ее волосы так, что она изогнулась дугой, издав приглушенный стон.

Стыд...страх...непонимание своей реакции на увиденное...все смешалось в одну волну, которая словно топила меня, заставляя глотать воздух приоткрытым ртом.

– Прогнись, – скомандовал он, и Лия выгнулась к нему сильнее, дав ему возможность еще глубже вонзить свой член в ее подрагивающее тело.

Когда она всхлипнула, я закусил губу, боясь, что она заплачет и не понимая, как можно так издеваться над женщиной, ведь такой размер, как у него, явно доставлял отнюдь не удовольствие...так думала я, но, когда из губ Лии вырвался уже другой, сладкий какой-то стон, я поняла, что ей нравится его грубость. Только я это осознала, как по моей спине пробежала череда мурашек.

То ускоряясь, то замедляя темп, этот «мертвый волк» то и дело издавал до ужаса приятные для моего слуха стоны, пошлые, даже жестокие какие-то словечки, периодически шлепая свою партнершу по округлой ягодице, отчего на ней сразу появлялся красный отпечаток. Чем быстрее стал двигаться он, тем судорожнее стала дышать я, во все глаза глядя на этого просто идеального представителя мужской породы.

Мощные ноги, упругие ягодицы, спина, по которой так захотелось процарапать дорожку своими ногтями... вспыхнуло в мозгу, заставив вздрогнуть. Мой взгляд словно выхватывал какие-то детали еще, но я словно не понимала ничего, оставив разбор этих деталей на потом... потом, а сейчас я просто растворялась в том, что чувствовало, казалось, и мое тело.

Спустя минут пять такого бешеного нанизывания беспомощного податливого тела партнерши на свой член, он резко отпустил ее волосы и вышел из нее, звонко шлепнув ее по ягодице. Взвизгнув, она встала на колени перед ним и снова обхватила его член губами и пальцами, начав энергично работать ртом. После нескольких таких ее движений, мужчина напрягся и, ухватив Лию за волосы, издал протяжный, животный, хищный стон, так глубоко войдя в ее рот, что она захрипела и дернулась в его руках. Когда он наконец отстранился, Лия закашлялась и сделала судорожный вдох, вытерев рукой слюни и следы его страсти на подбородке. Затем посмотрела на него снизу-вверх и проговорила прерывистым тоном с едва уловимой обидой в голосе:

– Ты столько времени со мной, но никогда не даешь мне почувствовать, как это, когда ты любишь, а не просто имеешь.

Губы мужчины тронула едва уловимая пренебрежительная усмешка и он проговорил:

– Ты разве не слышала баек нашего клана? Я же любить не умею, малышка. Я же только беру.

– Рон, я не шучу. Ты же не такой. Я знаю, – проговорила Лия, все так же стоя перед ним на коленях.

– Ты знаешь? – уже со стальными нотками проговорил он, отойдя от нее к столу и взяв с него бокал с вином. – Если я сам себя не знаю, как ты можешь знать меня?

Лия поднялась с колен и, медленно покачивая бедрами, подошла к нему. Положив ладони на его плечи, проворковала:

– Ты в последнее время стал чаще захаживать ко мне. Твоя волчица, живущая в дорогушем особняке, который ты ей подарил, уже не удовлетворяет тебя? Если это так, то почему бы тебе не забрать меня отсюда, раз тебе так хорошо со мной? – словно лиса сощурила она глаза и, ласкаясь, поцеловала его в шею, затем вновь посмотрев на него.

Мужчина медленно отпил из бокала вино и вернул его на стол. Затем провел пальцем по подбородку Лии и бросил сухим тоном:

– Ты шлюха, красавица моя. А шлюхам место в борделе. И мои отношения с Камиллой – не твоя печаль.

– Но все же, – с виду даже не обижаясь на его слова, она склонила голову и улыбнулась. – Поговаривают, что ты бросил ее.

Он же, смерив ее пристальным взглядом, проговорил суровым тоном:

– Женщины долго подле меня не задерживаются. И думаю, твой черед тоже пришел. Слишком ты ко мне привязана.

лась. Я этого не люблю.

Сказав это, он отошел от нее под ее возмущенный возглас:

– Я просто спросила, Рон!

– А я просто ответил, – пожал он плечами, с безразличным видом натянув на себя рубаху.

Лия, нервно накинув на плечи халат, подошла к нему и с видом оскорбленного достоинства пробурчала, помогая ему завязать завязки:

– Это из-за нее? Из-за этой молодой соплячки ты меня хочешь бросить?

– Какой еще соплячки? – он изогнул свою широкую бровь, смерив Лию недовольным взглядом.

– Ну этой, ведьмы, которая там сегодня пела, словно сирена. Что ты в ней нашел? Она же девственница. Разве неопытная молоденькая девчонка сможет удовлетворить такого, как ты? – она надула губы и посмотрела на него из-под лба.

Он пару секунд смотрел на нее молча, затем усмехнулся и провел пальцами по ее щеке, словно успокаивая:

– Ты правда слишком привязалась.

– Не слишком, – захлопала Лия ресницами. – Просто... просто ты хоть и такой жестокий порой в постели, и ласки от тебя никогда я не получала, ведь ты только выпиваешь меня всегда и даже капли не даешь глотнуть самой, но потерять я тебя боюсь, Рон. Ты же не знаешь, что здесь порой делают с девушками. Живого места иногда не оставляют на теле. Мы же как скот здесь. Когда ты заплатил Ралисе за то,

чтобы меня больше никто не трогал, пока ты спишь со мной, я же дышать начала свободно, словно жить начала заново и возвращаться в ад вновь не хочу. Прости, пожалуйста, прости за то, что затронула тему твоей любовницы и показала ревность. Клянусь, что больше никогда не буду говорить о таком. Только не бросай меня, – она опустилась перед ним на колени и стала осыпать поцелуями его руки. – Рон, умоляю. Не бросай! – по ее щекам потекли слезы, и она с отчаянием посмотрела на взирающего на нее мужчину.

Он какое-то время молча смотрел на нее, затем бросил холодным тоном:

– Ты шлюха, Лия. Ты сама выбрала эту жизнь. Не мне тебя вытаскивать из этого болота. Более ты не моя фаворитка.

Сказав это, он резко выдернул свою руку из ее ладоней. В этот момент меня словно вышвырнуло из какого-то омута. Зайдясь диким кашлем, я сделала пару прерывистых вдохов и перевела на Никсу испуганный взгляд.

– Мелочи. Никса говорила про мелочи, – промурлыкала тихо она, проведя по моим волосам пальцами. – Марисанта же смотрела на то, что хотела тьма, а теперь нужно, чтобы разум вспомнил, что видел он.

– Что за чушь? – вспылила я, вытащив ноги из воды и быстро обувшись. – Ты ненормальная. Правда говорят, что ты служитель дьявола. Такое показать. С ума сошла?

Никса засмеялась и улеглась на бортик, погрузив в воду руку:

– Красавец-герцог Ронмарк фон Самар... сколько сердец разбил он, сколько сердец. И это не Никса показала тебе, а ты сама хотела увидеть, – она сощурила свои дивные светло-голубые глаза, которые в один миг стали темнее ночи. – Пошла вон из мира Никсы, неблагодарная ведьма. Когда во второй раз придешь, уже плату она возьмет за помощь. Пошла вон! – рывкнула, вырвав из фонтана кувшинку и запустив ею в меня. – Сами темнее ночи внутри, а Никсу обвиняете, – по ее щеке потекла слеза и мне стало неловко и отчего-то стыдно перед этим неземным созданием.

Закусив губу, я шмыгнула носом и проговорила угрюмо:

– Прости. Это просто шоком для меня было. И я решила на тебе злость сорвать. Прости. Пожалуйста.

– Поздно, Марисанта. Слова сказаны и Никса обижена. Иди, – кивнула на двери, но по ее голосу я поняла, что она все-таки сменила гнев на милость. – И поразмысли над тем, что ты увидела и услышала. Это очень важно. И для тебя... и для него, – сказав это, она надула губы и, взяв в руки флейту, отвернулась от меня, давая понять, что мне больше нечего делать в ее комнате.

Выдохнув, я тихонько вышла в коридор и просто молнией помчалась к себе. Когда захлопнула за собой дверь, оказавшись в относительной безопасности, то подошла к туалетному столику и, опершись на его крышку, посмотрела на свое отражение в зеркале. Испуганный взгляд, румянец на щеках и столько необъяснимого огня в глазах. На мгновение закрыв

их, в моем сознании враз всплыл образ мощного, покрытого испариной тела мужчины. Невероятный. Затем слова в ушах... и Лии... и его. И до чего же жестокий. Я даже вздрогнула, вспомнив то, как беспощадно он терзал ее, заставляя захлебываться результатом его удовольствия... а потом его жестокие слова. Заслужила ли она их? Возможно. Я ведь была так далека от этого мира, где таких женщин мужчины презирали. Ужас. Не дай бог с таким встать на одну тропу. Хотя... Хатэрворд? Оххх... этого брата в этот самый момент я боялась точно меньше, казалось, кожей чувствуя, что старший фон Самар явно не меньшее зло в этой истории будет, если я сделаю все, как мне приказано. Помощи... нужно просить старшего о помощи. Только это и ничего более. Решено. В этот момент мелькнуло в моей голове... мелочи... мелочи... она же говорила про мелочи... Открыв глаза, я посмотрела в зеркало и в моей голове всплыла картинка... рисунок на плече. Что за рисунок? В голове словно туман. Застонав, я отошла от зеркала и стащила с себя платье, затем забравшись на кровать. Рисунок. Никса точно сказала про мелочи. Это было что-то важное. Но что? Да бог с ним этим всем. Помощь. Рассказать все ему, и он точно поможет в благодарность за правду. И никакая Ралиса, никакой Хатэрворд не посмеют пойти против него. Я всем нутром чувствовала это. Рассказать правду... и Мари, и я свободны. С такой мыслью я закрыла глаза и уснула крепким сном.

Глава 5

Весь следующий день я была словно на иголках и слонялась по заведению, в котором царила просто гробовая тишина. Девушки все спали, приходя в себя после ночного кутежа. А меня просто разрывало на части. Попытавшись выйти на улицу, я была остановлена двумя громилами, которые страшным басом рявкнули на меня, дескать, запрет мадам Ралисы и выходить мне на улицу пока нельзя. Со злостью что-то бросив им в ответ, я направилась к себе в комнату и провела оставшееся до вечера время там, всеми силами гоня из головы развратные картинки из видения, а еще гаденькое чувство, которое охватывало меня при мысли о бедной фэйри, которая точно была здесь не сколько по доброй воле, а по прихоти Ралисы, которая держала ее на коротком поводке. Недаром она тогда сказала те слова в кабинете, пригрозив Лие вернуть ее куда-то, куда ей возвращаться смерти подобно было. Мерзавец. Так и вертелось у меня в голове при мысли о тех словах, которые он ей кинул в ответ на ее просьбу не бросать ее. Одной, значит, особняк в городе, а второй презрение? Мог ведь помочь, при таком-то состоянии и положении в обществе. Мог, но просто не хотел. Миллион ненужных мыслей кружили в моей голове, пока я отчаянно пыталась понять, не совершу ли ошибку, рассказав все этому мертвому волку.

Ближе к вечеру пришла мадам Ралиса в сопровождении служанок со всякими атрибутами наведения красоты. После того, как я приняла ванную, они начали колдовать над моим образом, то и дело советуясь с мадам Ралисой. Я же только отрешенно смотрела на свое отражение в зеркале, которое с каждой минутой преображалось, превращая меня в некое подобие стандартной развратной красоты. В какой-то момент мадам Ралиса хлопнула в ладоши и простонала, подойдя ко мне и вытащив из прически шпильки, заставив волосы волной упасть мне на спину:

– Нет. Это не годится. Таких здесь пруд пруди. Она должна быть иной, чтобы заинтересовать Ронмарка. Что ему шлюхи? Нужно нечто такое, чего у него еще не было. Стирай макияж, – намочив в воде полотенце, она протянула его мне. – Просто платье, волосы распущенные и никаких белил, мусшек и прочей дряни.

Я с безразличным видом проделала все, что она сказала. Когда служанки закончили уже новый образ, расчесав мои волосы, которые потом красиво уложили на плечо, и надев на меня красивое красное платье, мадам Ралиса уже довольно окинула меня взглядом, сказав при этом:

– Вот это оно.

– Почему не белое? – нахмурилась я, проведя рукой по явно дорогой ткани наряда. – Вы же сказали, что прислуге не положено носить иные цвета.

– Да черт с ним, с белым, – махнула она рукой. – Мне нуж-

но, чтобы ты сияла, а не на моль похожа была. Тебе очень идет красный. Глаза просто сверкают на его фоне, и кожа выгодно оттеняется. А вот с лицом что? Почему словно с креста снятая? Или напомнить, что твоя Мари у меня под замком кое-где сидит? Я, между прочем, нашла ведьму, которая ей травки дала, снимающие все то, что у нее в душе и голове творится после случившегося. Она сказала, что твоя подруга должна быстро оправиться. Так что давай, милая, – хлопнула в ладоши, гневно сверкнув взглядом, – улыбку во все тридцать два и чтоб фон Самар после этого вечера и думать забыл обо всем. Не то отправлю на общих основаниях в главный зал и, сдастся мне, что желающих потрепать твою шкурку после вчерашней песенки будет здесь хоть отбавляй.

– Хватит меня запугивать, – заскрипела я зубами, посмотрев на мадам Ралису.

– А что такая кусачая вдруг стала? – та подозрительно окинула меня взглядом. – Задумала чего?

– Ничего я не задумала и сделаю все, что нужно. Просто не надо мне все время угрожать. И так трясет всю, а тут вы еще то и дело напоминаете, что Мари в опасности.

Женщина выдохнула протяжно и положила на мое плечо руку, проговорив при этом:

– Ладно, извини, девочка. Меня трясет не менее твоего, как подумаю обо всем. Ты давай, постарайся, чтобы быстрее это все закончилось. А там по разным дорогам и, надеюсь, ты впредь будешь осторожнее. Ровно, как и я, – закончила

она шепотом и окинула меня придирчивым взглядом.

В этот момент в комнату без стука влетела запыхавшаяся Никса, испуганно затрещав при этом:

– Там...там...Лия. Она вены порезала и прям в мирке Никсы едва не умерла. Никса ее вытащила из воды, но она на ладан дышит.

– Чертова глупая девица, – выругалась мадам Ралиса и проговорила, обращаясь к одной из служанок, – отведи девчонку в персональную комнату. А ты, – вновь бросила на меня грозный взгляд, – смелее будь. Чем скорее сделаешь все, тем быстрее маман свою увидишь. Пошли, – повернулась к Никсе и быстро покинула мою комнату.

Я же, с ужасом прокручивая в голове все услышанное, направилась за служанкой.

– Как же так, – пробубнила она себе под нос, посмотрев в сторону второго этажа, откуда слышались обеспокоенные голоса. – Такая красавица и вдруг вены резать.

– А почему ей их не резать, – зло бросила я. – Здесь ад. Кому захочется гореть в огне?

– Да у нее как раз и не было здесь ада. Его светлость, герцог фон Самар, огромные деньги ей платил и не позволял никому ее покупать. Жила, как сыр в масле каталась. И вдруг вены резать, – покачала с осуждением головой.

– Закончилось для нее масло, – тихо прошептала я, проглотив комок в горле. – Вот и жить не захотела более.

– Ох, глупая. А как же девчонка-то ее маленькая? Которая

в доме для малюток живет. Если помрет Лия, она ж вовсе на краю останется. Дочь воровки и шлюхи ведь. Ох, незавидная судьба.

– Почему воровки? – настороженно спросила я.

– Лия сама с того острова, который наши взяли. Как уж ей посчастливилось оттуда выбраться, только высшим силам известно. Поэтому она крылатая. Там же всем крылья отрезали после победы, чтоб сбежать не смогли. Рабы они теперь там. Таких страхов наслышалась я о том острове. Там же ад кромешный для фэйри. Все не верится, что мы, волки, можем быть такими жестокими. Хотя, кто знает, что там творилось, раз наши решили так их наказать. У фэйри ведь тоже рыльце в пушку. Это они ведь первыми войну развязали, начав делать налеты на наши земли. Но все равно. Крылья срывать... так жестоко. Ох, ну не мне об этом судить. В общем, оказавшись на наших землях, чтоб обеспечить и себя, и малышку, Лия перстень украла у одной из графинь здешних. Работала у нее горничной. Хотела домик небольшой снять, да мастерскую по пошиву одежды открыть. Руки-то у нее золотые. Такие наряды шикарные шьет, ты б видела только! Вот только за руку ее поймали да в тюрьму. Ее Ралиса оттуда вытащила. Она многих здешних девочек таким образом на крючок свой подцепила.

– Поэтому она и угрожала ей? – нахмурила я брови. – Слышала, как она говорила, что вернет ее обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.